Одиночество Калли и Кайдена

Автор:
Джессика Соренсен

Одиночество Калли и Кайдена

Джессика Соренсен

Сто оттенков любви

Чтобы выжить, Кайден вынужден страдать и молчать. Он считает, что ему повезло, если он, опустив голову, проживет еще один день… Но однажды только вмешательство ангела-спасителя по имени Калли дарит ему шанс выжить…

Однако и сама Калли не верит в удачу. Она перестала верить в нее, когда ей исполнилось двенадцать лет. Сейчас девушке восемнадцать, но никто так и не узнал ее тайны.

Судьба дарит Калли и Кайдену шанс, когда они встречаются в колледже. Их влечет друг к другу, но им трудно, они боятся поведать о своих тяжелых душевных травмах, боятся открыть свое сердце. Однако Кайден считает, что судьба не случайно свела их вместе…

Впервые на русском языке!

Джессика Соренсен

Одиночество Калли и Кайдена

Всем тем, кто не спасся

Jessica Sorensen

THE COINCIDENCE OF CALLIE & KAYDEN

Copyright © 2012 by Jessica Sorensen

All rights reserved

© Е. Бутенко, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Пролог

Калли

Жизнь полна удачи. Иногда тебе будто кто-то протягивает невидимую руку помощи, или ты просто оказываешься в нужное время в нужном месте. Некоторым людям удача сама плывет в руки, им дается вторая попытка, шанс на спасение. Это может быть связано с риском или происходить по счастливой случайности. Но есть и такие люди, которым удача не подносится на блюдечке с голубой каемочкой, кто всегда попадает не в то место и не ко времени. Таким нет спасения.

– Калли, ты меня слушаешь? – спрашивает мама, паркуя машину на подъездной дорожке.

Я не отвечаю, наблюдая за тем, как ветер закручивает в водоворот опавшие листья, играет с ними на капоте машины, раскидывает по углам. У листьев нет власти над своим путем в этой жизни. Хочется сгрести их в охапку, все до единого, и крепко зажать в руках, но для этого нужно вылезти из машины.

– Что с тобой сегодня? – резким голосом спрашивает мама, просматривая сообщения в телефоне. – Просто пойди и приведи своего брата.

Отрываю взгляд от листьев и фокусирую его на маме.

– Пожалуйста, не заставляй меня делать это. – Вспотевшей рукой хватаюсь за металлическую ручку дверцы, а к горлу подкатывает огромный ком. – Ты разве не можешь сама сходить за ним?

– У меня нет ни малейшего желания попасть на вечеринку, где веселится компания старшеклассников, и никакого настроения беседовать с Маки. Она начнет хвастаться, что Кайден получил стипендию, – отвечает мама и делает жест наманикюренными пальцами, побуждая меня идти. – Давай отправляйся за своим братом и скажи, что ему пора домой.

Вжимаю голову в плечи, открываю дверцу и шагаю по гравиевой дорожке к двухэтажному особняку – зеленые ставни у окон, крыша высокая, с крутыми скатами.

– Еще два дня, еще два дня, – бормочу я себе под нос, сжав кулаки и протискиваясь между машинами. – Всего два дня, потом я буду в колледже, и все это перестанет меня волновать.

Ярко освещенные окна выделяются на фоне серого неба, крыльцо увешано плакатами «Поздравляем» и гирляндами из воздушных шаров. Оуэнсы любят устраивать вечеринки по всякому поводу, какой только сумеют выдумать: день рождения, праздник, окончание школы. С виду они образцовая семья, но я не верю в совершенство.

Сегодняшнее сборище устроено в честь того, что их младший сын Кайден окончил школу и за успехи в футболе получил стипендию на обучение в Университете Вайоминга. Я ничего не имею против Оуэнсов. Мы всей семьей несколько раз обедали у них, а они приходили к нам на барбекю. Просто я не люблю вечеринки, меня на них никогда не приглашали, по крайней мере начиная с шестого класса.

Я приближаюсь к широкому крыльцу, и тут из дверей, вальсируя, выкатывается Дейзи Макмиллан со стаканом в руке. Ее кудрявые волосы сияют в свете фонарей на крыльце; она устремляет на меня взгляд, и ее губы искривляет злобная усмешка.

Отскакиваю вправо от лестницы и заворачиваю за угол дома, чтобы она не успела сказать мне какую-нибудь гадость. Солнце скрывается за линией гор, обступающих город со всех сторон, и на небосклоне начинают вспыхивать звезды, мерцающие, как стрекозы. Залитое светом крыльцо осталось позади, и вокруг трудно что-нибудь разглядеть. Цепляюсь ногой за что-то острое, падаю и обдираю ладони о гравий. Кожа поранена несильно, с болью справиться легко, поэтому я тут же поднимаюсь.

Стряхиваю с ладоней мелкие камушки, морщась от жжения в тех местах, где содрана кожа, и одновременно огибаю дом. Вот я на заднем дворе.

– Мне плевать, что ты там пытался сделать, – прорезает темноту мужской голос. – Ты такой придурок. Чего от тебя ждать!

Застываю на краю газона. Рядом с оградой – кирпичный домик у бассейна, в тусклом свете я вижу две фигуры. Один повыше, стоит с опущенной головой и поникшими плечами. У того, что ниже ростом, пивной живот, на затылке лысина; он выставил вперед сжатые кулаки. Прищурившись, вглядываюсь в темноту: тот, что пониже, – мистер Оуэнс, а высокий – его сын Кайден. Ситуация удивительная. В школе Кайден ведет себя очень уверенно, на такого не станешь наезжать, он даже повода цепляться к нему никогда не давал.

– Простите меня, – лепечет Кайден дрожащим голосом и обхватывает себя руками. – Это была случайность, сэр. Больше такое не повторится.

Оборачиваюсь и смотрю на заднюю дверь: там ярко горит свет, звучит громкая музыка, люди танцуют, кричат, смеются. Звякают стаканы. Так и чувствуется сексуальное напряжение, которым наполнена комната; оно разлито повсюду и доносится даже до меня. Подобных мест я стараюсь избегать любой ценой, потому что там мне нечем дышать. Робко поднимаюсь на нижнюю ступеньку, надеясь смешаться с толпой, чтобы меня никто не заметил. Только бы найти брата и исчезнуть отсюда.

– Не морочь мне голову. Случайность это была! – Голос резко повышается, в нем кипит неудержимая ярость.

Раздается звук удара, потом хруст, как будто раскололись кости. Инстинктивно оборачиваюсь и успеваю заметить, как мистер Оуэнс бьет Кайдена кулаком по лицу. От этого звука у меня скручивает живот. Мистер Оуэнс осыпает сына ударами, не останавливается, даже когда Кайден падает на землю.

– Лжецов наказывают, Кайден.

Я жду, что Кайден поднимется, но он лежит без движения, даже не пытаясь прикрыть лицо руками. Отец бьет его ногой в живот, по голове, удары тяжелые, ни намека на то, что его ярость иссякает.

Мне некогда думать: желание спасти Кайдена жжет меня изнутри и вытесняет все сомнения. Бегу по траве, продираюсь сквозь колеблемую ветром листву; плана у меня нет, только бы вмешаться. Цель близка. Я дрожу и нахожусь на грани шока. Становится ясно, что ситуация гораздо хуже, чем я себе вообразила.

У мистера Оуэнса костяшки пальцев разбиты, с них капает кровь и застывает на бетонном полу домика у бассейна. Кайден лежит, у него рассечена скула. Рана похожа на трещину в коре дерева. Один глаз у парня настолько опух, что не открывается, губы разбиты, и все лицо в крови.

Оба Оуэнса смотрят на меня, а я быстро тычу дрожащим пальцем себе за спину.

– Там на кухне кто-то искал вас, – говорю я мистеру Оуэнсу. К счастью, голос звучит достаточно твердо. – Им там надо помочь… Не помню точно, с чем именно.

– Ты кто такая?

Мистер Оуэнс пронзает меня взглядом, я съеживаюсь. В его глазах столько злости, как будто он бессилен противостоять приступу бешенства, который его охватил.

– Калли Лоуренс, – тихо отвечаю я, замечая, что от мистера Оуэнса разит алкоголем.

Он оглядывает меня, начиная с истоптанных ботинок, толстой черной куртки, застегивающейся на пряжки, и наконец добирается до волос, едва касающихся подбородка. Я похожа на бездомную, но в том-то и суть. Мне хочется быть незаметной.

– О да. Ты дочь тренера Лоуренса. Я тебя не узнал в темноте. – Мистер Оуэнс смотрит на свои окровавленные руки, потом снова на меня. – Слушай, Калли, я не хотел, чтобы так вышло. Это был несчастный случай.

Под нажимом я обычно плохо соображаю, поэтому стою неподвижно, слушаю, как в груди стучит сердце.

– Ясно.

– Мне нужно привести себя в порядок, – бормочет он, на миг снова впивается в меня взглядом, а потом уходит, делая большие шаги по газону и пряча за спиной раненую руку.

– Ты как? – Я поворачиваюсь к Кайдену, выпуская зажатый в груди воздух.

Он закрывает ладонью подбитый глаз, смотрит на свои ботинки и прижимает к груди вторую руку; вид у него беззащитный, разбитый, ошеломленный. На секунду представляю себя на его месте – вся в синяках и ссадинах, только снаружи их не видно.

– Я в порядке.

Голос грубый, поэтому я поворачиваюсь к дому и готовлюсь дать деру.

– Почему ты это сделала? – раздается из темноты.

– Так поступил бы любой. – Останавливаюсь только на траве, смотрю назад через плечо и встречаюсь с ним взглядом.

– Нет, не любой. – Бровь над уцелевшим глазом Кайдена хмурится.

Мы с Кайденом вместе ходили в школу. Грустно, но это самый длинный разговор между нами с шестого класса, с тех пор как за мной закрепилась репутация девочки со странностями. В середине того года я пришла в школу с коротко остриженными волосами и в одежде, которая висела на мне мешком. После этого я осталась без друзей. Даже когда мы всей семьей приходили обедать к Оуэнсам, Кайден делал вид, что не знаком со мной.

– Ты поступила так, как не сделал бы почти никто.

Кайден отнимает руку от глаза, встает, пошатываясь, распрямляет ноги и оказывается гораздо выше меня. Он из тех парней, по которым девчонки с ума сходят. Я тоже была такой, пока не почувствовала, что от них добра не жди. Каштановые волосы закрывают уши и шею Кайдена, обычно великолепная улыбка превратилась в кровавое месиво, и виден один изумрудный глаз.

– Я не понимаю, почему ты это сделала.

– Ну, я не могла просто пройти мимо. – Нервно скребу лоб: у меня такая привычка, когда кто-нибудь смотрит на меня в упор. – Я бы себе этого никогда не простила.

Из окон дома льется свет, и становится видно, насколько серьезны раны Кайдена: вся рубашка заляпана кровью.

– Ты никому об этом не расскажешь, верно? Он напился… И у него были неприятности. Он сегодня не в себе.

Закусываю губу. Не знаю, верить или нет.

– Может быть, лучше рассказать кому-нибудь… например, маме.

Кайден смотрит на меня так, будто я маленький, ничего не смыслящий ребенок.

– Тут не о чем рассказывать.

Смотрю на его опухшее лицо. Обычно такое красивое, сейчас оно все перекошено.

– Ну ладно, как хочешь.

– Вот именно, – небрежно бросает Кайден, и я поворачиваюсь, чтобы уйти. – Эй, Калли, ты ведь Калли, да? Можешь оказать мне услугу?

– Конечно. – Оглядываюсь. – Какую?

– В ванной на первом этаже есть аптечка, а в холодильнике – пакет со льдом. Можешь принести мне? Не хочу возвращаться в дом, пока не приведу себя в порядок.

Мне не терпится уйти, но в голосе Кайдена слышится мольба, и это пересиливает мое желание смыться.

– Да, хорошо.

Оставляю Кайдена у бассейна и отправляюсь в дом. Там столько народу, что трудно дышать. Прижав локти к бокам и надеясь, что ко мне никто не прикоснется, пробираюсь сквозь толпу.

Маки Оуэнс, мать Кайдена, разговаривает за столом с еще чьей-то мамой. Машет мне рукой. Золотые и серебряные браслеты весело звякают.

– О, Калли, твоя мама здесь, а? – Говорит она невнятно, на столе перед ней пустая бутылка от вина.

– Она в машине! – кричу я в ответ, чтобы было слышно сквозь музыку. В этот момент кто-то врезается мне в плечо, мускулы у меня напрягаются. – Мама разговаривала по телефону с отцом и послала меня найти брата. Вы его не видели?

– Извини, не видела. – Маки величественным жестом обводит зал рукой. – Тут столько народу.

– Ничего. – Я машу ей на прощание. – Пойду поищу его.

Уходя, думаю: а видела ли она своего мужа и спросила ли, где он поранил руку?

В гостиной нахожу своего брата Джексона. Он сидит на диване и разговаривает со своим лучшим другом Калебом Миллером. При виде этой сцены я замираю на пороге. Они смеются, болтают, пьют пиво как ни в чем не бывало. Презираю своего брата за этот смех, за то, что он вообще находится здесь, а я вынуждена искать его и сообщать, что мама ждет его в машине.

Надо подойти к нему, только вот беда – ноги приросли к полу. Знаю, нужно покончить с этим, но тут полно людей – одни по углам целуются взасос, другие танцуют посреди комнаты, мне от этого неуютно.

Я не могу дышать. Я не могу дышать. Ну же, ноги, шевелитесь.

Кто-то врезается в меня, и я едва не падаю на пол.

– Извини, – просит прощения низкий голос.

Хватаюсь за дверной косяк, и это выводит меня из транса. Быстро иду по комнате, не интересуясь тем, кто это налетел на меня. Мне нужно выбраться отсюда, чтобы обрести способность дышать.

Взяв аптечку из буфета и пакет со льдом из холодильника, пускаюсь в долгий путь назад и выхожу из дома через боковую дверь, никем не замеченная. Кайдена на улице уже нет, но из окна домика у бассейна льется свет.

Неуверенно открываю дверь и просовываю голову в слабо освещенную прихожую.

– Это я.

Кайден выходит из задней комнаты. Он без рубашки и прижимает к лицу полотенце – ярко-красный комок ткани.

– Принесла что нужно?

Проскальзываю внутрь и закрываю за собой дверь. Протягиваю аптечку и пакет со льдом, а сама отворачиваюсь к двери, чтобы не смотреть на Кайдена. От вида его голой груди и низко сидящих на бедрах джинсов мне становится не по себе.

– Калли, я не кусаюсь. – В голосе никакого чувства. Кайден берет у меня аптечку и лед. – Тебе незачем пялиться на стену.

Заставляю себя перевести взгляд на Кайдена. Внимание приковывают шрамы, пересекающие его грудь и живот. Вертикальные линии, идущие по предплечьям, – самые страшные, они широкие, неровные, с зазубринами, как будто кто-то прошелся по коже парня тупой бритвой. Мне хочется провести по шрамам пальцами, чтобы унять боль, стереть из памяти жуткие воспоминания.

Парень быстро опускает полотенце, чтобы прикрыться. На миг мы встречаемся взглядами, и в его единственном открытом глазу я замечаю смущение. Момент проходит, краткий, как щелчок пальцев, и, кажется, не вернется уже никогда; у меня в груди тяжело стучит сердце.

Кайден моргает и прижимает пакет со льдом к опухшему глазу, а ящичек с медикаментами неуверенной рукой пристраивает на краю стола. Пальцы у него дрожат, все костяшки ободраны.

– Можешь достать марлевую салфетку из аптечки, а то у меня пальцы немного болят?

Неумело вожусь с защелкой, ноготь застревает в щели и обламывается. Из-под него течет кровь, но наконец я откидываю крышку и начинаю искать марлю.

– Тебе, наверное, придется накладывать швы на эту рану под глазом. Она выглядит опасной.

– Все будет хорошо. – Кайден промокает рану полотенцем, морщась от боли. – Надо только промыть ее и залепить чем-нибудь.

Горячая вода, от которой идет пар, течет по моему телу; она обжигает кожу, оставляя на ней красные пятна и волдыри. Я просто хочу снова почувствовать себя чистой.

Забираю у Кайдена мокрое полотенце, осторожно, чтобы не задеть пальцы, и придвигаюсь к нему, хочу осмотреть рану. Рассечение такое глубокое, что видна мышечная ткань.

– Тебе точно надо накладывать швы. – Я слизываю кровь с большого пальца. – Или останутся шрамы.

– Шрамы меня не пугают, особенно те, что снаружи. – Углы рта Кайдена приподнимаются в горькой усмешке.

Мне понятен смысл его слов.

– Я и правда думаю, нужно, чтобы мама отвезла тебя к доктору, а там ты ей расскажешь, что случилось.

– Этого не будет никогда, а если бы даже было – без разницы. – Кайден начинает отматывать бинт, но вдруг роняет его на пол. – Все это неважно.

Дрожащими пальцами поднимаю бинт, распутываю его и наматываю себе на руку. Отрываю кусок нужной длины, вынимаю из аптечки пластырь. Выкинув из головы последние страшные мысли, протягиваю руку к щеке Кайдена. Он стоит очень спокойно, прижимая к груди поврежденную руку, а я накладываю марлевую салфетку на рану. Кайден смотрит на меня, его брови сдвинулись, он почти не дышит, пока я прилепляю пластырем марлю.

Готово. Отстраняюсь и облегченно вздыхаю. Кроме членов семьи, Кайден – первый человек, которого я коснулась за последние шесть лет.

– И все равно я считаю, нужно наложить швы.

– Ты видела в доме моего отца? – Кайден закрывает аптечку и стирает с крышки капельку крови.

– Нет.

В кармане пищит телефон, пробегаю глазами сообщение.

– Мне нужно идти. Мама ждет в машине. Ты уверен, что больше ничего не нужно?

– Все будет хорошо. – Кайден больше не смотрит на меня, подбирает полотенце и идет в заднюю комнату. – Ладно, думаю, увидимся в другой раз.

Увы, нет.

– Конечно увидимся. – Я кладу телефон в карман и направляюсь к двери.

– Спасибо тебе, – вдруг добавляет Кайден.

Останавливаюсь, уже взявшись за ручку двери. Ужасно, что приходится покидать его, но я слишком труслива, чтобы задержаться.

– За что?

Он обдумывает ответ. Долго обдумывает, а потом испускает вздох:

– За то, что принесла мне аптечку и лед.

– Всегда пожалуйста.

Выхожу на улицу с тяжелым чувством: ко всем моим тайнам прибавилась еще одна.

Вот показалась гравиевая дорожка, и тут у меня в кармане снова звонит телефон.

– Я уже совсем близко.

– Твой брат уже здесь, и ему нужно домой, – нетерпеливо говорит мама. – Он должен быть в аэропорту через восемь часов.

– Прости, я отвлеклась… – Я ускоряю шаг. – Но ты послала меня за ним.

– Он сам пришел, ответил на эсэмэску, а теперь давай поторопись, – говорит она, начиная злиться. – Ему надо хоть немного отдохнуть.

– Мам, я буду через полминуты.

Завершаю связь и вступаю во двор перед домом. На парадном крыльце стоит Дейзи, подружка Кайдена. Она ест торт и болтает с Калебом Миллером. Все внутренности у меня немедленно завязываются в узел, плечи ссутуливаются, и я бросаюсь в тень деревьев. Хоть бы меня никто не увидел.

– О боже мой, это кто там, неужто Калли Лоуренс? – говорит Дейзи, заслоняя рукой глаза от света и с прищуром глядя в мою сторону. – Какого черта ты там делаешь? Не лучше ли тебе прогуляться по кладбищу?

Я опускаю подбородок и прибавляю шагу, спотыкаюсь о большой камень. Чего и следовало ожидать.

– Или ты бежишь от куска торта, который я держу в руке? – со смехом кричит она мне вслед. – В чем дело, Калли? Давай объясни мне.

– Брось, – произносит Калеб с гадкой ухмылкой и перегибается через перила. Его глаза темны как ночь. – Я уверен, у Калли есть причины, чтобы убегать.

В его голосе звучит намек, от которого мое сердце пускается вскачь, а ноги бегут изо всех сил. Уношусь в темноту, к подъездной дорожке. В спину мне летит хохот.

– Что случилось? – спрашивает брат.

Захлопываю за собой дверцу машины, щелкаю пряжкой пристежного ремня, тяжело дышу и поправляю растрепавшиеся волосы.

– Почему ты бежала?

– Мама велела поторопиться. – Упираюсь взглядом в колени.

– Калли, иногда ты меня удивляешь. – Джексон приглаживает темно-каштановые волосы и откидывается на спинку сиденья. – Такое ощущение, будто ты вовсю стараешься выглядеть чудачкой.

– Это не я в двадцать четыре года хожу на вечеринки старшеклассников, – напоминаю я в ответ.

– Калли, не начинай. – Мама прищуривается и неодобрительно смотрит на меня. – Ты сама знаешь, мистер Оуэнс пригласил твоего брата на вечер, и тебя, кстати, тоже.

Перед глазами встает избитое в кровь лицо Кайдена. Ужасно, что пришлось бросить парня. Я уже готова рассказать все матери, но тут мельком замечаю на крыльце Калеба и Дейзи. Они наблюдают за нами. Да, некоторые секреты лучше унести с собой в могилу. Кроме того, моя мать не тот человек, который готов слушать рассказы об ужасных вещах, иногда случающихся в мире.

– Мне всего двадцать три, – прерывает мои мысли брат. – Двадцать четыре исполнится только через месяц. А они больше не школьники, так что закрой свой рот.

– Я знаю, сколько тебе лет. И я тоже больше не школьница.

– Тебе не стоит так уж сильно радоваться этому. – Мама морщится, выкручивая руль, чтобы выехать на улицу. В уголках ее светло-карих глаз собираются морщинки; она силится сдержать слезы. – Мы будем скучать по тебе, и мне бы очень хотелось, чтобы ты подождала с отъездом до осени. До Лареми почти шесть часов пути, дорогая. Так тяжело будет находиться вдали от тебя.

Я смотрю на шоссе, которое тянется между деревьями, вдоль невысоких холмов.

– Прости, мама, но меня уже зачислили. Кроме того, нет никакого смысла оставаться здесь на лето, если я все равно буду сидеть в своей комнате.

– Но ты можешь пойти работать, – предлагает мама, – как делает твой брат каждое лето. Сможешь провести с ним немного времени, и Калеб собирается остаться у нас.

Каждый мускул в моем теле скручивается, как перевитая веревка, и я с трудом впускаю в легкие порцию кислорода.

– Прости, мама, но я готова к самостоятельной жизни.

Более чем. Меня уже тошнит от печальных взглядов, которые она вечно бросает на меня, потому что не понимает ничего из моих поступков. Я устала от внутренней борьбы: хочется рассказать ей обо всем, но я точно знаю, что сделать это не смогу. Я готова жить в одиночестве, чтобы избавиться от кошмаров, которые охотятся за мной в моей комнате, заполонили мою жизнь, весь мир.

Глава 1

Пункт № 4: Надень цветную рубашку.

4 месяца спустя…

Калли

Я часто размышляю, что заставляет людей совершать те или иные поступки. Заложено ли это было в их головы еще при рождении, или они научились этому,

пока росли. Может быть, их вынудили к таким действиям обстоятельства, над которыми они не властны. Способен хоть кто-нибудь держать под контролем свою жизнь или мы все абсолютно беспомощны?

– Боже, тут сегодня как в городе дураков, – комментирует ситуацию Сет, морща нос при виде новичков, заполонивших двор колледжа. Потом машет рукой перед моими глазами. – Ты опять уплываешь от меня?

Я моргаю и выхожу из задумчивости.

– Ну, ты не важничай. – Я игриво толкаю его плечом в плечо. – То, что мы решили учиться летом и уже знаем, где тут что, еще не делает нас лучше всех.

– Не-а, мы чуток получше. – Он выразительно смотрит на меня большими медово-карими глазами. – Мы новички высшего разряда.

– Сам знаешь, новичков высшего разряда не бывает. – Я подавляю улыбку и отхлебываю латте.

Сет вздыхает и проводит рукой по золотистым волосам, настолько светлым, что можно подумать, будто он специально осветлял их в салоне красоты. Но нет, они сами по себе такие.

– Да, я знаю. Особенно если речь идет о таких, как мы с тобой. Мы две белые вороны.

– Белых ворон гораздо больше. – Я прикрываю ладонью глаза от солнца. – Сегодня я меньше выделяюсь: надела красную футболку, как сказано в списке.

– Было бы еще лучше, если бы ты распустила волосы, а не убирала их в этот вечный хвост. – Уголки рта у Сета ползут вверх.

– Не все сразу. Мне отрастить-то их было трудно, теперь чувствую себя странно. Но это не имеет значения, потому что распущенные волосы надо еще добавить в список.

– Да, нужно добавить, – соглашается Сет. – Я это сделаю, когда вернусь в свою комнату.

Мы с Сетом составили список того, что должны сделать, даже если боимся, чувствуем отвращение или неспособность к такому поступку. Если что-то попало в список, хочешь не хочешь, но это следует совершить, и мы должны вычеркивать по крайней мере один пункт каждую неделю. Мы решились на это после того, как, запершись у меня в комнате, доверили друг другу свои самые страшные тайны. Это был первый случай в моей жизни, когда я почувствовала настоящую связь с живым человеком.

– И ты все еще носишь эту убогую одежку с капюшоном, – продолжает Сет, дергая меня за полу выцветшей серой куртки. – Я думал, мы договорились насчет этой ужасной штуки. Ты красавица, и тебе вовсе ни к чему прятать свою красоту. Кроме того, можно подумать, что на улице страшный мороз.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. – Я застенчиво кутаюсь в куртку.

Сет берет меня под руку и буквально виснет на мне, я отшатываюсь к краю тротуара. Мимо нас проходят люди.

– Ладно, но когда-нибудь мы обсудим полное изменение внешности, за которым я буду тщательно следить.

– Посмотрим, – вздыхаю я.

Мы с Сетом познакомились в первый день по приезде в Университет Вайоминга, на подготовительных курсах по математике. Наша неспособность к пониманию чисел дала хороший повод завязать разговор, и, наверное, наша дружба выросла из этого. Сет – мой первый друг за долгие годы. Последний раз я с кем-то дружила в шестом классе, с одной новой девочкой, которая не была знакома с «анорексичной сатанисткой Калли», какой меня считали все ученики. Но эта дружба продолжалась недолго.

Вдруг Сет останавливается и встает передо мной. Он одет в серую футболку и черные облегающие джинсы. Волосы у него стильно растрепаны, а ресницы длинные-предлинные – на зависть всем девчонкам.

– Я должен кое-что сказать. – Он приставляет кончик пальца к уголку моего глаза. – Мне гораздо больше нравятся красно-коричневые стрелки, чем насыщенно-черные.

– Ты меня одобряешь. – Я драматически прижимаю к груди руки. – Какое облегчение. У меня камень на сердце с самого утра.

Сет делает гримасу и оценивающим взглядом смотрит на мою красную футболку, которая заканчивается у пояса подчеркивающих мои формы джинсов.

– Ты делаешь успехи во всех отношениях, мне бы только хотелось, чтобы ты хоть раз надела платье или шорты, что-нибудь такое, из-под чего видны ноги.

– Сет, ты знаешь почему… – Лицо у меня вспыхивает, как и все внутри. – То есть ты знаешь… Я не могу…

– Знаю, просто пытаюсь вдохновить тебя.

– Я понимаю, за это и люблю тебя.

На самом деле я люблю его далеко не только за это. Я люблю его за то, что он первый человек, рядом с которым я ощутила себя комфортно и смогла доверить ему свои секреты. Вероятно, это случилось оттого, что он понимает, каково это – быть израненным внутри и снаружи.

– Ты сейчас выглядишь гораздо более счастливой, чем когда мы встретились. – Сет заправляет мне локон за ухо. – Я бы хотел, чтобы ты была такой со всеми, перестала прятаться от людей. Жалко, что никто не может узнать, какая ты классная.

– Взаимно, – говорю я, потому что Сет прячется не меньше моего.

Сет забирает у меня из рук пустой пластиковый стаканчик и бросает в урну рядом со скамейкой.

– Как думаешь, может, нам выяснить насчет экскурсий и поприкалываться над экскурсоводом?

– Ты знаешь путь к моему сердцу. – Я лучусь от удовольствия, а Сет смеется, и у него лицо будто светится.

Мы бредем по тротуару в тени деревьев к входу в главный корпус – высотой в несколько этажей, с островерхой крышей. Кажется, это здание с историей: рыжевато-коричневая кирпичная кладка вся в трещинах и сколах, как будто ей много веков. Двор, окруженный со всех сторон постройками, похож на треугольный лабиринт из беспорядочно пересекающих лужайку бетонных дорожек. Приятно учиться в таком месте, много деревьев и открытого пространства, но надо привыкнуть.

Атмосфера суматошная: студенты и родители снуют туда-сюда, все чего-то ищут. Я совершенно замечталась, как вдруг услышала негромкое:

– Поберегись!

Вскидываю голову и вижу несущегося прямо на меня парня – руки у него задраны, а на голову приземляется футбольный мяч. Крепкое тело врезается в меня, и я валюсь на спину, ударяясь головой и локтем о мостовую. Руку пронзает боль, дыхание перехватывает.

– Слезай с меня, – говорю я, в панике дергаясь. Его вес и идущий от него жар создают ощущение, будто я тону. – Слезай сейчас же!

– Прошу прощения. – Парень быстро скатывается в сторону и встает. – Я тебя не заметил.

Моргаю, пока в фокусе не появляется его лицо: вихры каштановых волос за ушами, пронзительные изумрудные глаза и улыбка, от которой растает сердце любой девчонки.

– Кайден?

Брови парня хмурятся, он опускает руки.

– Мы знакомы? – Под правым глазом у него маленький шрам, и я думаю, не след ли это от удара, который нанес ему отец той ночью.

В сердце вонзается маленькая заноза; он даже не может вспомнить, кто я такая. Поднимаясь на ноги, я стряхиваю с рукавов пыль и травинки.

– Гм, нет, извини. Я обозналась.

– Но ты правильно назвала мое имя. – В его тоне сомнение; он подбирает с земли мяч. – Погоди, я должен тебя знать, так?

– Мне действительно очень жаль, что я оказалась у тебя на пути. – Хватаюсь за Сета и тащу его к входу, над которым висит огромный баннер «Добро пожаловать, студенты!».

Когда мы оказываемся в коридоре около застекленных стендов с объявлениями, я отпускаю Сета и прислоняюсь к кирпичной стене, пытаясь выровнять дыхание.

– Это был Кайден Оуэнс.

– Ох! – Сет оглядывается на вход, через который валит толпа студентов. – Кайден Оуэнс? Тот самый, которого ты спасла?

– Я его не спасла. Просто вмешалась кое во что.

– Это была отвратительная сцена.

– Любой поступил бы так же, – говорю я и пытаюсь пойти дальше.

– Нет, многие люди прошли бы мимо. – Сет сжимает пальцами мой локоть и силой удерживает меня. – Обычное дело: люди отворачиваются, когда видят что-то неприятное. По своему опыту знаю.

Мне больно за него. Какие испытания выпали на его долю!

– Сочувствую, что тебе пришлось пройти через такое.

– Калли, не сочувствуй мне, – с тяжелым вздохом говорит Сет. – У тебя своя грустная история.

Мы идем по узкому коридору, пока не оказываемся в холле, где стоит стол, заваленный рекламными листовками и буклетами. Студенты выстроились в очередь, смотрят расписание, переговариваются с родителями, вид у всех напуганный и возбужденный.

– Он даже не узнал тебя, – рассуждает Сет, пробираясь сквозь толпу к началу очереди, влезает вперед всех и берет со стола розовую листовку.

– Он всегда меня едва узнавал.

Я качаю головой, а Сет предлагает мне печенье из тарелки на столе.

– Ну теперь-то он должен был тебя узнать. – Сет выбирает печенье, посыпанное сахаром, стряхивает крупинки и откусывает уголок. С губ летят крошки, пока он жует. – Ты спасла его задницу.

– Не такое уж большое дело, – говорю я, хотя сердце слегка покалывает. – А теперь, пожалуйста, давай сменим тему.

– Это большое дело. – Я хмурюсь, и Сет вздыхает. – Ладно, я закрываю рот. А теперь пошли найдем себе подопытного кролика из гидов.

Кайден

В течение последних четырех месяцев каждую ночь, пропади они пропадом, меня преследовали кошмары. Я лежу, сжавшись в комок, на земле рядом с купальней, а отец выколачивает из меня дерьмо. Он совсем обезумел, таким я его еще не видел. Наверное, я совершил самый худший поступок, какой он мог себе представить. У него глаза убийцы, в них нет ничего человеческого, все поглотила ярость.

Вот его кулак ударяет меня по лицу, теплая кровь заливает кожу и брызгает на его рубашку. Я знаю, на этот раз он намеревается убить меня, и мне нужно наконец ответить, но я приучен к смирению. Плюс мне, кажется, уже все

безразлично.

Потом кто-то появляется из тени и прерывает нас. Я стираю кровь с глаз и вижу, что это насмерть перепуганная девчонка. Мне не совсем понятно, зачем она встряла, но я ей обязан.

Калли Лоуренс в ту ночь спасла мою гребаную жизнь, вероятно сама того не понимая. Я бы хотел, чтобы она это знала, но мне было не придумать, как сказать ей, да к тому же с того дня я ни разу больше не видел ее. Слышал, что она уехала в колледж заранее, чтобы устроиться там, и завидовал ей.

Первый день в кампусе складывается неплохо, особенно после того, как мать с отцом уехали. Только они отчалили, я впервые в жизни смог вздохнуть свободно.

Мы с Люком ходим по кампусу, пытаясь узнать, где что, и попутно перекидываем друг другу мяч. Солнце светит ярко, деревья зеленые, все дышит новизной, и меня так и распирает. Я хочу начать все заново, быть счастливым, пожить в кои-то веки нормальной жизнью.

Но вот особенно дальний бросок мяча – и я наскакиваю на девушку. Чувствую себя полным болваном, особенно потому, что на вид она такая маленькая и хрупкая. Голубые глаза широко раскрыты, и она выглядит страшно напуганной. Но что еще более странно, она меня знает, но сбегает, как только я задаю вопрос, откуда она меня знает.

Меня это жутко мучает. Не могу забыть ее лицо – такое знакомое. Почему, черт возьми, я не могу догадаться, кто она такая?

– Ты видел эту девушку? – спрашиваю я Люка.

Он был моим лучшим другом со второго класса, когда мы оба поняли, какая поганая жизнь дома у нас обоих, хотя и по разным причинам.

– Ту, в которую ты только что врезался? – Он складывает расписание и засовывает в задний карман джинсов. – Она вроде похожа на ту тихоню, с которой мы ходили в школу, ее еще Дейзи все время доставала.

Мой взгляд перемещается к входу в главное здание, к дверям, за которыми исчезла незнакомка.

– Калли Лоуренс?

– Да, кажется, так ее звали. – Люк, стоя посреди лужайки, испускает напряженный вздох и поворачивается вокруг себя, чтобы сориентироваться. – Но не думаю, что это она. У той не было все намазано черным вокруг глаз и была короткая стрижка, из-за которой она выглядела как мальчишка. И еще мне кажется, эта девушка стройнее.

– Да, она выглядела по-другому. – Но если это Калли, мне нужно поговорить с ней о той ночи. – Вообще Калли всегда была худенькой, поэтому Дейзи над ней и смеялась.

– Не только поэтому, – напоминает мне Люк и с отвращением морщится, глядя на что-то у меня за спиной. – Я, пожалуй, пойду поищу нашу комнату.

И он торопливо уходит. Я не успеваю ничего сказать, как мой друг уже заворачивает за угол учебного корпуса.

– Вот ты где!

Из-за спины появляется Дейзи, и меня обдает тяжелым запахом духов и лака для волос. Тут я понимаю, отчего Люк сбежал как от огня. Он не любит Дейзи по многим причинам: например, считает ее стервой. А она и есть стерва, но это мне только кстати. Я не испытываю к ней никаких особых чувств, и в этом ее заслуга, это единственный известный мне тип отношений.

– Надеюсь, вы сейчас говорили не обо мне. – Дейзи обхватывает меня за талию и пальцами массирует мне живот. – Если только это не было что-то хорошее.

– Никто о тебе не говорил. – Поворачиваюсь и чмокаю ее в лоб. На ней голубое платье с глубоким вырезом, в ложбинке между грудями залегла нитка бус. – Люк просто пошел искать свою комнату.

Дейзи закусывает блестящую губу и хлопает ресницами, как летучая мышь крыльями.

– Хорошо, а то я уже нервничаю, поскольку должна оставить здесь своего до смешного горячего парня. Помни, ты можешь флиртовать, но не смей распускать руки.

Моя подружка быстро начинает скучать и от этого устраивает сцены.

– Ни за что. Все ясно, – говорю я, удерживаясь от того, чтобы возмущенно не выкатить глаза. – Повторяю, никто о тебе не говорил.

Дейзи с задумчивым выражением лица наматывает прядь кудрявых светлых волос на палец.

– Я не против того, чтобы вы обо мне говорили, пока вы говорите хорошее.

Мы познакомились с Дейзи в десятом классе: она тогда перешла в нашу школу, была новенькой, а потому привлекательной, и сама прекрасно это знала. Я пользовался успехом у девушек, но ни с кем не встречался, просто заигрывал со всеми подряд. Меня больше интересовал футбол. Отец хотел видеть меня таким. Дейзи, кажется, мной заинтересовалась, и через пару недель нас уже официально считали парой. Она полностью поглощена собой и никогда не спрашивает, откуда у меня синяки, порезы и шрамы. Один раз, когда мы впервые трахнулись, она завела об этом разговор, и я сказал, что в детстве попал в автомобильную аварию. О новых ранах Дейзи не заговаривала.

– Слушай, детка, мне нужно идти. – Я быстро целую ее. – Надо зарегистрироваться, распаковать вещи и вообще разобраться, где тут, к чертям, что.

– О, ладно. – Она выпячивает нижнюю губу, проводит пальцами по моим волосам и придвигает мои губы к своим для более глубокого поцелуя.

Когда она отстраняется, на лице ее играет улыбка.

– Ну что ж, мне пора возвращаться домой, там я скоротаю дни в скучнейших старших классах.

– Уверен, у тебя все будет хорошо, – говорю я и пячусь к дверям, маневрируя между людьми, которые столпились на тротуаре. – Я приеду на встречу выпускников.

Дейзи машет рукой и поворачивается к парковке. Я слежу за ней, пока она усаживается в машину, а потом вхожу в колледж. Внутри прохладнее, чем на улице, лампы светят тускло, все кричат, и царит суматоха.

– Мы не пойдем на экскурсию. – Я подхожу к Люку, который стоит рядом со столиком для записи и читает розовую листовку. – Ты разве не собирался искать нашу комнату? Или это был предлог, чтобы не встречаться с Дейзи?

– У меня от этой девицы мозг плавится. – Он нервно проводит рукой по коротким каштановым волосам. – Я уже собирался идти, но потом решил, что гораздо проще сходить на экскурсию и узнать, где что находится.

Люк очень организованный человек, когда дело касается учебы и спорта. Я это ценю, потому что знаю его очень давно, но со стороны он больше похож на трудного подростка, который вылетел из школы.

– Ладно, пойдем на экскурсию.

Записываю наши имена на листке. Рыжая девица, которая сидит за столиком, широко улыбается.

– Вы можете присоединиться к экскурсии, которая только что началась, – говорит она, наклоняется ко мне и бесстыдно поджимает снизу руками свои сиськи, так что ложбинка становится заметнее. – Они пошли вон по тому коридору.

– Спасибо.

Прихватив с собой Люка и показав девице ослепительный оскал, я важно удаляюсь в заданном ею направлении.

– Как всегда, – весело говорит Люк, обходя маленький столик, уставленный тарелками с печеньем. – Ты как магнит.

– Я не напрашиваюсь, – отвечаю я, а мы тем временем нагоняем толпу экскурсантов. – На самом деле я бы хотел, чтобы это прекратилось.

– Ничего подобного, – заявляет Люк, выразительно вращая глазами. – Тебе самому нравится, не отпирайся. И я бы хотел, чтобы ты продолжал в том же духе и бросил эту сучку.

– Дейзи не такая плохая. Она, наверное, единственная девушка, которая не протестует, когда я флиртую с другими. – Я складываю на груди руки и пялюсь на ботаника в очках с толстыми стеклами, который ведет экскурсию. У него жидкие волосенки и в руках планшет с зажимом для бумаг. – Нам действительно это нужно? Я бы лучше пошел и распаковал вещи.

– Я хочу узнать, где что находится, – отзывается Люк. – Ты можешь идти в комнату, если хочешь.

– Мне и тут неплохо. – Я замечаю в толпе девушку – ту самую, с которой столкнулся.

Она улыбается парню, а он что-то шепчет ей на ухо. Вдруг обнаруживаю, что увлечен естественностью этой сцены – никакого притворства. Такое нечасто увидишь.

– Что ты там углядел? – Люк прослеживает за моим взглядом, и на лбу у него залегают морщины. – Знаешь что? Похоже, это все-таки Калли Лоуренс. Теперь я вспомнил, ее отец упоминал, что она вроде собиралась в Университет Вайоминга.

– Да что ты… Правда… Не может быть!

Всматриваюсь в нее: каштановые волосы, облегающая стройную фигуру одежда, голубые глаза сияют, когда она смеется. При последней нашей встрече эти глаза были тусклыми и озабоченными. Та Калли, которую я знал, была мрачной, носила мешковатую одежду и всегда выглядела печальной. Она сторонилась всех, за

исключением той ночи, когда спасла мою задницу.

– Точно, это она, – уверенно говорит Люк и легонько ударяет себя пальцем по виску. – Помнишь, у нее было такое маленькое родимое пятно на виске, точно как у этой. Это не может быть случайным совпадением.

– Твою мать, – громко говорю я, и на меня все оборачиваются.

– Могу я вам чем-то помочь? – ледяным тоном произносит наш проводник.

– Прости, приятель, мне показалось, что на меня села пчела. – Я качаю головой, замечая на себе взгляд Калли.

Люк фыркает, а я подавляю смешок. Гид недовольно хмыкает и продолжает рассказ, где какие кабинеты находятся, указывая попутно на каждую дверь.

– Что это было? – тихо спрашивает Люк, аккуратно складывая газету пополам.

– Ничего. – Я обвожу взглядом толпу, но Калли нигде нет. – Ты видел, куда она ушла?

– Не-а. – Люк качает головой.

Мои глаза устремляются в сторону коридора, однако нигде никаких признаков Калли. Мне нужно найти ее, чтобы поблагодарить за спасение жизни. Это следовало сделать еще четыре месяца назад.

Глава 2

Пункт № 28: Пригласи незнакомца на ужин.

Калли

– Какие у тебя планы на вечер? – Я складываю рубашку и опускаю в корзину для стирки, которая стоит на сушилке. – Пойдем куда-нибудь или останемся дома?

Сет подпрыгивает и усаживается на стиральную машину. Болтая ногами, он надувает пузырь из жвачки, который взрывается у него во рту.

– Меня раздирают противоречивые чувства. С одной стороны, мне хочется остаться и дочитать «Дневник вампира», но тут есть один изумительный ресторан, и я не прочь с ним познакомиться поближе.

– Э-э, не тот ли, в котором суши-бар? – Я хмурюсь и отлепляю от рубашки наклейку кондиционера для тканей. – Не люблю суши, и мне сегодня не хочется никуда выходить, чтобы поесть.

– Нет, ты никогда не пробовала суши, – поправляет меня Сет. – А если ты чего-то не пробовала, не говори, что ты этого не любишь. – Он подавляет смешок, крепко сжимая губы. – Могу утверждать это на основании самостоятельно собранных фактов.

– Не сомневаюсь, что можешь. – На стопке рубашек начинает дребезжать и мигать мобильник. – Вот черт, это мама. Погоди секунду. Привет, мам, – говорю я в трубку и, шаркая по полу, отхожу в сторону, подальше от рокота стиральных машин.

– Привет, девочка моя. Как прошел первый день занятий?

– Занятия начнутся в понедельник, – напоминаю я и затыкаю пальцем ухо, чтобы заглушить грохот стиралок. – Сегодня день заезда и регистрации.

– Ну хорошо, как это происходит?

– Я уже знаю, где что находится, поэтому занимаюсь стиркой с Сетом.

– Здравствуйте, миссис Лоуренс, – кричит Сет, сложив ладони рупором.

– Передай ему привет от меня, дорогая, ладно? – отвечает мама. – И скажи, что мне не терпится с ним познакомиться.

– Ей не терпится познакомиться с тобой, – шепотом передаю я Сету, прикрыв телефон рукой, и тот округляет глаза.

– Скажи ей, что она со мной не справится.

Машина останавливается, и Сет спрыгивает с нее, чтобы открыть крышку.

– Он говорит, что тоже хочет познакомиться с тобой, – сообщаю я матери. – На самом деле, он в полном восторге.

– Мамы – это не по моей части. – Сет качает головой и вытаскивает из машины куртку. – Ты знаешь.

– Что он сказал? – интересуется мама.

– Ничего, мама. – (Сушилка подает звуковой сигнал.) – Мне надо идти. Я позвоню тебе позже.

– Подожди, дорогая. Я хотела сказать, что у тебя очень счастливый голос.

– Я счастлива.

Ложь прорывается сквозь ком в горле, но я знаю, что именно это мама и хочет услышать.

Сет кидает свою единственную высушенную рубашку на край корзины, кладет руки на бедра и, прищурившись, смотрит на меня:

– Не лги матери, Калли.

– Что происходит? – спрашивает мама. – Я слышу несколько голосов.

– Мне нужно идти. – Нажимаю на кнопку «отбой» раньше, чем она успевает сказать что-нибудь еще. – Моя мама не такая, как твоя. – Я открываю дверцу сушилки и вытаскиваю остальные вещи. – Она по большей части ничего. Ну, по крайней мере, когда я веду себя как надо.

– Но ты не можешь ей ничего рассказать, ничего по-настоящему важного. – Сет сгибает руку, которая была в гипсе, когда мы познакомились. – Моя мать такая же.

– Ты со своей матерью делился. – Движением бедра я захлопываю дверцу сушильной машины. – Просто дела шли не так уж хорошо, и я ничего не говорила маме, потому что это убило бы ее. Она такой счастливый человек, к чему разрушать ее счастье страшными историями. – Я бросаю вещи в корзину, какая-то из стиральных машин с пыхтением бьется о бетонную стену. – Думаю, мы можем пойти проверить этот новый ресторан. – Взяв корзину, я прижимаю ее к боку. – Я добавлю это к списку того, что собираюсь попробовать.

– Мне нравится этот список. – Сет улыбается от уха до уха.

– Мне тоже… Иногда, – соглашаюсь я, а Сет сгребает в охапку одежду. – Какой ты молодец, что придумал это.

Список был составлен в моей полутемной комнате в общежитии, когда Сет рассказал мне, откуда у него перелом руки и шрамы. Он возвращался домой из школы в последний учебный день. Мимо проезжал грузовик с футболистами. Они выскочили, избили Сета; они пытались расколоть его на тысячу кусочков, которые могли бы замести под коврик. Но Сет сильный, поэтому я и открыла ему свой секрет: он знает, каково это, когда тебя чего-то лишают. Хотя я опустила подробности, потому что просто не могла произнести это вслух.

– Да, я молодец. – Сет отступает в сторону, пропуская меня в дверь. – И пока ты не перестанешь придерживаться этого мнения, с тобой все будет хорошо.

Мы смеемся от души, но как только звук смеха уносит ветер, над нами нависает темное облако.

Кайден

– Эта комнатенка размером с коробку, – замечаю я, осматривая очень маленькую комнату в общежитии.

Мы в жилом корпусе «Дауни», одном из четырех зданий, куда селят новичков. Две односпальные кровати, в дальнем углу – стол. Расстояние между кроватями не более двух шагов, а в шкафу возле дальней стены едва поместятся три коробки.

– Ты уверен, что не хочешь снять квартиру? По дороге я видел несколько объявлений на окнах, совсем близко к кампусу.

– Я не могу позволить себе съемную квартиру. – Люк роется в большой коробке с надписью «Хлам». – Мне нужно найти работу, чтобы купить учебники и прочее.

– В твою стипендию это не входит?

Я поднимаю тяжеленную коробку и ставлю на свою кровать. Люк сминает в комок скотч и бросает на пол.

– Оплачивается только обучение.

Отлепляю липкую ленту с верха коробки.

– Могу тебе помочь… если нужны наличные.

– Благотворительность мне не требуется. – Мой приятель быстро качает головой, полностью погрузившись в изучение содержимого коробки. – Если хочешь снять квартиру, снимай. Не думай, будто обязан оставаться в общаге только потому, что я тут. – Люк вытаскивает бронзовую статуэтку без головы, и его лицо краснеет. – Это еще что за черт?

– Не я же паковал твои вещи, – пожимаю я плечами.

– А то. Я сам их паковал, но этого в коробку не клал. – Люк швыряет статуэтку, в стене остается вмятина. – Мать-перемать, она пытается трахать мне мозги.

– А ты не давайся. Знаешь, она просто хочет вернуть тебя домой, чтобы ей не приходилось заниматься всеми делами в одиночку.

Поднимаю статуэтку и выхожу в коридор, чтобы выбросить ее в мусорный бак неподалеку от нашей двери.

По пути обратно замечаю Калли: она идет в мою сторону с парнем, который был с ней раньше, и опять улыбается. Останавливаюсь посреди коридора и жду, пока она поравняется со мной. Возникает людской затор, все меня обходят. Калли меня не видит, а вот ее дружок более внимателен: скользнув по мне взглядом, что-то шепчет ей на ухо.

Калли резко поворачивает голову и подается назад, как будто боится, что я на нее наброшусь. Ее приятель кладет руку ей на спину, чуть пониже талии, вроде как успокаивает и поддержку оказывает.

– Привет, – неловко начинаю я, сбитый с толку ее пугливым недоверием. – Не знаю, помнишь ли ты…

– Я тебя помню, – обрывает она меня; быстрый взгляд голубых глаз скользит по шраму у меня на скуле. – Как же мне тебя не помнить? Мы знакомы с детства.

– Верно, – соглашаюсь я, не зная, как реагировать на ее холодную отчужденность. В ту ночь она такой не была. – Просто я хотел как-то завязать разговор.

Губы Калли складываются в букву «О», но она стоит молча и теребит завязку куртки, которая ей велика.

– Сет. – Приятель бросает на нее взгляд, а потом протягивает мне руку.

– Кайден. – Я пожимаю руку, не отрывая взгляда от Калли.

– Калли, тебе надо отвлечься. – Сет тихонько хлопает ее по плечу, и она вздрагивает. – Она сегодня немного не в духе.

– Ничего подобного. – Калли опускает веки и, прищурившись, смотрит на него. – У меня прекрасное настроение.

– Тогда, может быть, нужно сказать что-нибудь, – цедит сквозь зубы Сет, сверля ее укоризненным взглядом. – Вероятно, какую-нибудь любезность.

– Ох! – Калли переводит взгляд на меня. – Прости… То есть… – Она запинается, беззвучно чертыхается. – О боже, что со мной?

Сет вздыхает, как будто привык к ее странному поведению.

– Ты только сегодня приступаешь к занятиям? – спрашивает он меня.

– Да, у меня футбольная стипендия. – Я вглядываюсь в Сета, пытаясь определить, прикасался ли он хоть раз к футбольному мячу.

– А-а, понятно. – Он выгибает брови, покачивается на каблуках, изображая заинтересованность.

Калли медленно выдыхает, откидывает челку со лба:

– Нам нужно идти. Мы собираемся поужинать. Кайден, приятно было повидаться.

– Не хочешь пойти с нами? – предлагает Сет, игнорируя сердитый взгляд Калли. – Мы просто проверим одно новое местечко.

– Там суши. – Калли впервые встречается со мной взглядом.

В ее зрачках отражаются печаль и неуверенность. Я едва удерживаюсь от того, чтобы протянуть руки и обнять ее, как-то снять эту боль. Странное чувство. Я ведь еще никого не обнимал, кроме Дейзи, да и ту по обязанности.

– Не знаю, хорошо ли там, – добавляет Калли.

– Суши я люблю. – Я оглядываюсь через плечо на открытую дверь в нашу комнату. – Но мне придется взять с собой Люка. Годится? Люк был раннингбэком[1 - Раннингбэк – позиция игрока в американском футболе. – Здесь и далее прим. перев.] в «Бронкосе».

– Я его знаю. – Калли с трудом сглатывает. – Пусть идет с нами.

– Одну секунду. Посмотрю, готов ли он.

Я подхожу к двери. Люк сидит на незастеленной кровати и перебирает бумаги. Я расставляю руки и упираюсь в дверной косяк, а голову просовываю внутрь.

– Не хочешь ли поесть суши?

– Суши? – Люк отрывает взгляд от бумаг и смотрит на меня. – С чего вдруг?

– С того, что нас пригласила Калли Лоуренс. Или, скорее, ее друг… Помнишь, что она была холодно-сдержанной?

Люк запихивает бумаги в ящик комода, но один листок сминает и бросает в мусорную корзину.

– Да, классе в шестом она стала такой. Сложилось ощущение, что она была нормальной девчонкой, а потом вдруг в один момент стала со странностями.

Я опускаю руки и отклоняюсь назад, смотрю на стоящую в коридоре Калли: она шепчется с Сетом.

– Не припоминаю такого. То есть я помню ее нормальной, а потом вообще не помню. Она вроде ни с кем не гуляла?

– Вроде нет. – Люк пожимает плечами. – А что за одержимость ею теперь?

– Это не одержимость. – Меня задело такое обвинение. – Я никогда никем не увлекался до одержимости. Просто они предложили, и я согласился из вежливости. Если не хочешь, мы не обязаны идти.

– Я не против. – Люк засовывает кошелек в задний карман. – Если я выжил после сотни ужинов с Дейзи, уверен, что перенесу и ужин с девушкой, которая ходила вместе с нами в школу и почти ничего не говорила.

Чувствую себя полным ослом. Люк, кажется, помнит о Калли больше, чем я, а мне бы следовало знать получше девушку, которая спасла меня во многих смыслах. Даже не знаю, смогу ли я когда-нибудь объяснить ей это.

Калли

– Ты меня с ума сведешь, – шиплю я на Сета, пока мы идем в полутьме по парковке к ярко освещенному ресторану.

Мы вчетвером приехали на одной машине, и всю дорогу в ней висело гробовое молчание, так что мне хотелось рвать на себе волосы.

– Зачем ты их пригласил?

– Из вежливости. – Сет пожимает плечами и приобнимает меня. – А теперь, моя дорогая Калли, расслабься, и мы вычеркнем из нашего списка пункт «Больше общайся с людьми». На самом деле лучше подходит строчка «Пригласи кого-нибудь на ужин».

– Я сожгу этот список, когда мы вернемся.

Резко открываю стеклянную дверь и захожу в душную атмосферу ресторана. Столики по большей части пусты, а вот рядом с баром шумно. Там толпятся девушки в боа из перьев и диадемах, как будто они на свадебном банкете.

– Нет, ты этого не сделаешь. Расслабься и попытайся завязать разговор, – отвечает Сет и прямиком направляется к хозяйке, которая упирается руками в конторку. – Привет, есть свободные места в баре?

– Дайте-ка я проверю. – Девушка, сраженная обаянием Сета наповал, хихикает, накручивает рыжий локон на палец и просматривает список.

– Вау! – Сет забрасывает в рот мятную конфету и выразительно глядит на меня через плечо.

Улыбаюсь ему, потом смотрю на Люка и Кайдена, но не могу подобрать слов. Что им сказать? В обществе парней, кроме Сета, я чувствую себя неловко. Мне бы и хотелось что-нибудь сказать, но воспоминания не позволяют.

– Я думал, Лареми – более веселый городок, чем оказалось на деле. – Люк отщипывает воскового вида листок с искусственного растения рядом с дверью.

– Это там, дальше, – указываю я на окно справа от себя. – Там много клубов и всего прочего.

Люк подстрижен под машинку, вокруг предплечья – татуировка, карие глаза смотрят напряженно. Он всегда выглядит так, будто готов начать драку, в его присутствии мне хочется сжаться до минимальных размеров и забиться куда-нибудь в угол.

– И ты знаешь, где они?

– Только слышала. Но сама была мало где.

Краем глаза смотрю на Кайдена. Он внимательно слушает меня, прислонившись спиной к двери и скрестив на груди руки. Почему он так смотрит? Как будто и правда меня видит.

– Ну да. – Люк щелчком отбрасывает листок на пол. – Ты никогда вечеринки не любила.

– На самом деле она не всегда была такой, – вступает в разговор Кайден с гордым выражением на лице. – Теперь я вспомнил. Это было в начале шестого класса. Моя мама должна была принести торт, но забыла или еще что-то… Думаю, это был твой день рождения.

– Мне исполнялось двенадцать, – говорю я тихо, а перед глазами плывут воздушные шары, сыплются конфетти, вот розовая помадка на торте, но потом все растекается лужей крови. – И это не делает из меня любительницу

вечеринок, я была просто маленькой девочкой, которой хотелось отпраздновать день рождения… и больше ничего.

Они смотрят на меня, как на помешанную, а я мысленно пытаюсь призвать свои губы к порядку – пусть произносят слова, но они крепко сжаты; болезненные воспоминания сокрушают мне сердце.

– Ну ладно, я раздобыл для нас столик, но он не в баре. – Сет обнимает меня за плечи. – Что случилось? Тебе плохо?

– Просто устала. – Я моргаю, потом выдавливаю улыбку.

Сет знает, что я лгу, но не хочет выводить меня на чистую воду в присутствии Кайдена и Люка.

– Тогда мы, наверное, отвезем тебя домой пораньше.

Хозяйка провожает нас к столику, оставляет меню и четыре стакана воды со льдом, игриво улыбается Сету и уходит встречать других посетителей. Мое зрение затуманено мрачными мыслями о том, что я так долго пыталась стереть из памяти, и потому я не могу прочитать ни слова из меню. Прикрываю ладонью глаза и моргаю.

– Думаю, я должен кое в чем признаться, – провозглашает Кайден. Я поднимаю на него взгляд, его губы медленно растягиваются в улыбке. – Я не люблю суши. На самом деле меня от них воротит.

– Меня тоже, – соглашаюсь я с робкой улыбкой. – Как-то странно, что там все сырое.

– Она никогда не пробовала суши, – оповещает всех Сет, переворачивая лист меню. – Так что, технически, не имеет права навязывать нам свое мнение.

– Думаю, высказать его она может. – Коленка Кайдена под столом трется о мою, намеренно или нет, сказать не могу. По телу прокатывается жаркая волна, а в животе все идет кувырком. – Оно кажется ценным.

Не знаю, воспринимать ли эти слова как комплимент, а потому рта не раскрываю.

– Я не отрицаю ценность ее мнения, – объясняет Сет. – Но ей может понравиться, если она попробует. Я сам живу по такому принципу.

– О боже мой! – В этот момент я делаю глоток воды и фыркаю от смеха, поперхнувшись кусочком льда.

– Ты попробуешь? – Сет стучит ладонью по моей спине.

– Да, только больше никаких шуток, пока я пью, хорошо? – Я киваю, прижимая ладонь к груди.

– Это принцип, по которому я живу. – Сет смотрит на меня с дьявольской улыбкой, в глазах сверкают задорные искорки. – Но я сбавлю обороты.

– Черт, я оставил телефон в машине. – Люк хлопает ладонью по столу, стаканы с водой подскакивают. – Сейчас вернусь.

Он встает, бодро шагает по проходу и скрывается за входной дверью. Мы снова обращаемся к меню, как вдруг Сет вскакивает из-за стола со словами:

– Я запер машину, он не попадет внутрь! – И бросается к выходу, на бегу вынимая из кармана ключи.

– На самом деле Люк пошел покурить, – сообщает мне Кайден, вертя солонку между ладонями. – Он не любит признаваться в этом людям, которых не знает. Чудак человек.

– Вероятно, Сет хочет того же самого. – Я качаю головой вверх-вниз, не глядя на Кайдена. – Обычно он курит в машине, но на этот раз проявил вежливость.

– Напрасно. – Кайден смеется, и его глаза загораются. – Люк курит в моей машине с тех пор, как нам исполнилось шестнадцать.

Не в силах сдержаться, я улыбаюсь, представив себе эту картинку, а сама тереблю край скатерти.

– Что тебя развеселило? – Кайден складывает руки на столе, и манжеты немного задираются.

На запястьях с внутренней стороны видны тонкие белые линии. Кайден быстро одергивает рукава, чтобы спрятать их.

– Ну, давай расскажи, почему ты улыбаешься?

– Да так. – Я поднимаю на него взгляд. – Просто подумала, что сказал бы мой отец, если бы узнал, что его раннингбек – курильщик.

– Думаю, он об этом знал. – Кайден облокачивается о стол и подается вперед, приближаясь ко мне. – Кажется, он всегда знал обо всех наших проступках, но никогда ни слова не говорил.

– Ну да, наверное, так и было. Однажды он застукал моего брата за курением и долго потом стирал его с лица земли.

Почему я так с ним разговариваю? Это на меня непохоже. Прижимаю подбородок к груди и сосредоточиваюсь на меню закусок.

– Калли, прости меня, – вдруг говорит Кайден, кладет ладонь на стол и двигает ее по направлению ко мне.

Когда его пальцы касаются костяшек моих, у меня перехватывает дыхание.

– За что? – Мой голос звучит сдавленно.

– За то, что не поблагодарил тебя… за ту ночь. – Кайден накрывает мою руку своей широкой ладонью.

Какую-то секунду мне приятно тепло его руки, но потом меня отбрасывает назад – в ту ловушку в глубине сознания, где я чувствую себя сломленной и бессильной.

– Не стоит. – Я выдергиваю руку из-под его ладони и прячу под стол. Пульс учащается, я просматриваю меню. – У тебя была тяжелая ночь.

Кайден молча убирает руку. Я не смотрю на него, потому что не хочу увидеть в его глазах отвращение.

– Если я закажу гамбургер, как думаешь, мне его сделают? – спрашивает он, беззаботно меняя тему.

– Разве здесь упоминаются гамбургеры? – Я с серьезным видом перелистываю страницу меню.

– Нет, я пошутил. – Он наблюдает за мной через стол. – Можно, я у тебя кое-что спрошу?

– Конечно, – осторожно киваю я.

– Почему ты уехала из дома сразу? Большинство предпочитает остаться на лето и развлекаться.

– Меня там ничто не удерживало, кроме родителей, и просто показалось, что пора уезжать, – пожимаю я плечами.

– У тебя было не много друзей, да?

По лицу Кайдена видно, что он напрягает память и пытается по кусочкам восстановить картину моей жизни.

К счастью, Сет и Люк возвращаются раньше, чем ему это в какой-то мере удается. От парней пахнет табачным дымом, они явно очень довольны.

– Нет, в кампусе их не особо много, – говорит Сет, садясь и разворачивая салфетку, в которую упакованы столовые приборы. – А если они что-нибудь делают, охранники обычно быстро их обламывают.

Люк поворачивает маленький пластиковый экранчик на подставке, где нарисованы сорта пива.

– Да, это дерьмо случалось всякий раз у нас в школе. Однажды мы разожгли большой костер, но тут же явились копы и всех повязали.

– У вас были проблемы? – спрашивает Сет, поглядывая на наручные часы.

– Да не особо. – Люк засовывает в рот зубочистку. – Копы в нашем городе снисходительны к футболистам.

– Знаменитости, – бормочет Сет, искоса поглядывая на меня.

Отвечаю ему сочувственной улыбкой.

Нога Кайдена продолжает касаться моей под столом, и мне хочется попросить его, чтобы он перестал, но я не смею даже взглянуть на него. Внутри растет беспокойство, потому что отчасти мне это нравится. Я теряю контроль над своими чувствами и отчаянно нуждаюсь в том, чтобы обрести его снова.

Подходит официантка и, черкая в блокнотике, записывает наши заказы. Я стараюсь сделать все как надо и прошу полный ужин, намереваясь все это съесть. Однако, когда приносят еду, желудок у меня сжимается, и я могу сразу сказать, что поступлю так, как всегда.

Глава 3

Пункт № 52: Ради бога, используй свой шанс.

Кайден

Прошла неделя с начала учебы. Занятия как заноза в заднице. Меня предупреждали, что в колледже будет сложнее, но я не готовился к тому, что потребуется столько самостоятельной работы. А еще практика. В результате ни на что больше не остается времени.

После того ужина в ресторане я пересекался с Калли дважды, но она уклонялась от встречи. На биологии мы с ней в одной группе, но она садится в самом конце аудитории, подальше от всех, и сосредоточивает свое внимание только на ручках и конспектах. У этой девушки, должно быть, уже тетрадь заканчивается, так она сосредоточена на писанине.

Я стараюсь не смотреть на нее, но в большинстве случаев не могу удержаться. Просто восхищаюсь, как ей удается отключаться от всех. Вот бы и мне так углубляться в собственные мысли, вместо того чтобы беспокоиться о всякой чепухе.

Собираюсь на занятия, уговаривая себя, что надо забыть о Калли, и тут раздается звонок – отец.

– Ты оставил свое барахло в гараже. – Так он начинает разговор.

– Извини, – говорю я, заставляя себя ровно дышать, а сам одновременно собираю книги. – Но я думал, мама мне разрешила.

– Твоя мать не имеет права решать такие вопросы, – резко бросает он. – Если хотел держать там свои шмотки, должен был спросить разрешения у меня. Боже, сколько раз тебе нужно встрять не к месту, прежде чем ты уймешься?

Хочется возразить, но он прав. Я чаще лезу не в свое дело, чем воздерживаюсь. Пятнадцать минут выслушиваю отцовскую отповедь, и он снова заставляет меня чувствовать себя ребенком, нашкодившим маленьким поганцем.

Повесив трубку, смотрю в зеркало над комодом, изучаю шрамы на лице, пока они не сливаются в один большой рубец. Вдруг накопившаяся во мне ярость выплескивается наружу: выбрасываю из комода все барахло, пока один из ящиков не вываливается на пол. Вещи Люка рассыпаются по полу – зажигалки, фотографии, несколько инструментов и бритвенные лезвия. Люк терпеть не может, когда кто-то трогает его вещи, и, вполне возможно, взбесится, если

войдет сейчас и увидит весь этот бардак.

Быстро складываю все обратно в ящик, пытаясь придать свалке упорядоченный вид, притворно не замечаю укоризненного взгляда белого слоника: когда я поднимаю его с пола, он глядит мне прямо в глаза. Держа его в руке, молю сам себя: Кайден, пожалуйста, не швыряй слоника в стену.

Рука дрожит, и я постепенно погружаюсь в воспоминания о том времени, когда не был таким, как сейчас. Когда думал, что, может быть, всего лишь может быть, не все в жизни должно концентрироваться вокруг боли.

Мы с моим старшим братом Тайлером возились в гараже. Ему было шестнадцать, а мне восемь. Он что-то делал с мотоциклом, который купил на скопленные за летнюю работу деньги.

– Я знаю, что это кусок дерьма, – сказал он мне, доставая гаечный ключ из ящика с инструментами в углу. – Но он даст мне возможность убраться отсюда куда-нибудь подальше, чего я хочу больше всего.

Весь день он ругался с отцом, на руке у него был здоровенный синяк, на костяшках пальцев – ссадины. Я слышал, как они ссорились, а потом подрались. Это было обычное дело. Такова наша жизнь.

– Почему ты хочешь уехать? – спросил я, обходя мотоцикл. Он не был каким-то обалденно сверкающим, но кое-какие удовольствия его внешний вид предвещал. А если он мог увезти отсюда любого, значит мотоцикл – это нечто особенное. – Из-за папы?

Тайлер швырнул ключ обратно в ящик, провел рукой по длинным каштановым волосам, которые придавали ему вид бездомного; по крайней мере, так говорил отец.

– Однажды, дружок, когда ты станешь немного старше, ты поймешь, что все в этом доме – одна сплошная ложь, и тебе захочется убраться отсюда к чертям собачьим. Любой ценой.

– Ты возьмешь меня с собой? – Я влез на ящик и с него пересел на мотоцикл, взялся за руль и свесил вниз свои короткие ножки. – Я тоже хочу уехать.

– Да, дружок, возьму. – Тайлер подошел сзади к мотоциклу и присел на корточки, чтобы проверить шины.

Я нажал на газ, изображая, что еду, и на секунду представил себе возможность жизни без боли.

– Обещаешь?

– Да, я обещаю, – кивнул брат и занялся насосом.

Мой брат оказался лжецом, как и все в доме. Он уехал, а меня оставил, потому что предпочитал напиваться, а не решать проблемы. Через несколько лет другой мой брат, Дилан, закончил школу и тоже уехал из дома. Он изменил номер телефона, никому не сказал, куда направляется, и с тех пор никто о нем ничего не слышал. Хотя не могу сказать, так ли уж упорно его искали.

В то время мне было двенадцать, и я остался единственным ребенком в доме. А это означает, что весь гнев отца сфокусировался на мне. Он дал мне это понять в тот вечер, когда Дилан собрал свои вещи и уехал. До того он меня не особенно сильно бил: пощечины, порка ремнем да иногда пинки или затрещины. Он всегда бил так, чтобы причинить боль, но оставить поменьше следов.

Прижавшись лицом к стеклу, я следил, как Дилан отъезжает от дома и скрывается в темноте. Мне хотелось оказаться с ним в машине, хотя мы никогда не были близки. Отец вошел в дом с улицы и принес с собой поток холодного воздуха. Он орал на Дилана всю дорогу, пока тот шел к машине, говоря, что Дилан – долбаный идиот, раз отказался от футбольной стипендии и бросил команду.

– На что ты там пялишься? – Отец так громко хлопнул входной дверью, что семейный портрет, висевший над камином, грохнулся на пол.

– Ни на что, сэр. – Я отвернулся от окна, сел на диван и уставился на портрет.

Отец подошел ко мне. Его зрачки поглотили радужную оболочку, и я почувствовал запах перегара у него изо рта. Он был больше меня, сильнее, и у него на лице было такое выражение, что я понял: сейчас он воспользуется этим преимуществом и я ничего не смогу с этим сделать.

Я знал урок. Убежать наверх и спрятаться, чтобы дать ему время остыть. Но я не мог сдвинуться с места. Все думал и думал о своих братьях, которые уехали и бросили меня здесь, будто старую футболку. Раньше мы терпели это вместе, теперь остался один я. Я заплакал, как маленький глупый мальчик, хотя сам знал, что это разозлит отца еще больше.

– Ты плачешь? Что такое с тобой случилось?

Он больше не медлил – занес кулак и сильно ударил меня в плечо.

Боль охватила шею и руку, высосала из меня весь кислород, и я сполз на пол, моргая, чтобы избавиться от черных пятен перед глазами.

– Вставай! – Он пнул меня в бок, но я не мог подняться.

Ноги не слушались, и с каждым ударом ботинка что-то умирало у меня внутри. Я даже не поджал колени к животу, чтобы защититься. Позволил боли овладеть мной, чтобы она довела меня до полного онемения и осталась позади.

– Ты ничтожество! Твои братья хотя бы отбивались. А ты что такое? Пустышка! И в этом твоя ошибка!

Очередной удар, на этот раз в живот, и боль стреляет мне в голову.

– Вставай! Вставай. Поднимайся…

Ботинок ударяет в живот, а в голосе проскальзывает мольба, как будто это я сам во всем виноват и он просит, чтобы я перестал делать глупости. Может быть, это и была моя ошибка. И все, что мне нужно было сделать, это встать на ноги. Но даже такую простую вещь я не смог понять правильно.

Никогда еще он так меня не избивал, будто вымещал на мне всю свою злобу и разочарование в моих братьях. Мама не пускала меня в школу две недели, пока я поправлялся. Она говорила всем – учителям, друзьям, родственникам, соседям, – что у меня стрептококковая ангина и я страшно заразный.

Почти все время я лежал в постели и чувствовал, как мое тело выздоравливает, но мой разум и воля к жизни умерли. Я знал, что мне никогда не станет лучше, что со мной все кончено.

Я моргаю, чтобы отделаться от этих мыслей, а сам сижу на полу и задираю рубашку. Я поклялся, что после переезда в колледж брошу эту мерзкую привычку. Но, похоже, она завладела мной сильнее, чем я думал.

* * *

На следующий день во время лекции по биологии я стараюсь держаться как можно спокойнее, несмотря на боль в животе, а сам все время оглядываюсь на Калли. Она, похоже, совершенно не замечает, что я превращаюсь в сталкера.

Профессор Фремонт не торопясь завершает лекцию. Когда я выхожу в коридор, там уже полно народу. Застреваю в дверном проеме и пытаюсь определиться: хочу я прогулять следующую лекцию или нет. И тут кто-то налетает на меня сзади.

– О боже, извини! – говорит Калли и отшатывается, будто от бандита. – Сама не заметила, куда иду.

– Незачем извиняться. Со мной все в полном порядке, хотя ты и натолкнулась на меня. – Я вспыхиваю улыбкой и отодвигаюсь, чтобы освободить проход.

Как только поворачиваю торс, в мышцах возникает жгучая боль.

– Извини, – повторяет Калли, закрывает глаза и сокрушенно качает головой, недовольная сама собой. – У меня дурная привычка все время извиняться.

– Ничего страшного, но, может, тебе попытаться от нее избавиться? – предлагаю я, упираясь рукой в косяк двери.

Каштановые волосы Калли убраны наверх, но тонкие прядки свешиваются вокруг лица. На ней джинсы, фиолетовая футболка без рисунка, макияж очень скромный. Груди не выпирают из выреза, а джинсы не врезаются в кожу, подчеркивая каждый изгиб тела, как у Дейзи. Вроде бы глазу зацепиться не за что, а между тем я смотрю на нее и не могу оторваться.

– Я пытаюсь, но это трудно. – Она опускает взгляд на коричневый коврик, такая скромная и невинная. Кажется, ее нужно обнять тысячу раз, чтобы стереть печаль, которую она несет на своих плечах, как тяжкую ношу. – С привычками нелегко расставаться.

– Могу я тебя куда-нибудь пригласить? – спрашиваю я, не думая, что делаю и какие могут быть последствия. – Я действительно хочу отблагодарить тебя за то, что ты, ну, сама знаешь. За то, что ты сделала.

Ее веки вспархивают, и у меня слегка учащается сердцебиение. Такого еще не случалось, даже на миг закружилась голова.

– Я должна встретиться с Сетом буквально через несколько минут, но, может быть, в другой раз, – уклончиво отвечает Калли и начинает удаляться от меня по коридору, забросив сумку на плечо.

– Знаешь, Сет – интересная личность. – Я иду за ней по пятам. – Он со мной в одной группе на английском, все время поднимает руку и каждый раз дает неверный ответ.

– Он делает это специально. – Губы Калли трогает слабая улыбка.

– Зачем? – Я нажимаю рукой на стекло и открываю перед ней дверь.

– Потому что это есть в списке. – Выходя на улицу, Калли прикрывает глаза от солнца.

– В каком списке? – Я задерживаюсь на пороге и вскидываю бровь.

– Да так, ни в каком. – Она небрежно машет рукой. – Слушай, мне надо идти.

Девушка ускоряет шаг, тонкие ножки двигаются быстро, голова вжата в плечи, как будто она делает все возможное, чтобы не выдавать своего присутствия в мире. Я остаюсь во дворе один.

Калли

Моя комната находится в корпусе «Макинтайр». Это самое высокое здание из всех общежитий. Провожу пластиковой карточкой по замку, чтобы попасть внутрь, а потом набираю код и захожу в комнату. При взгляде из окна люди кажутся крошечными, будто я птица, которая смотрит на них с небесной высоты.

Вытаскиваю из-под подушки дневник, вооружаюсь ручкой. Я начала вести записи в тринадцать лет, просто хотела выкладывать на бумагу свои мысли, не планируя, что это превратится в привычку на всю жизнь. Но я чувствую себя намного лучше, когда пишу, как будто в этот момент мозг освобождается и говорит все, что ему хочется.

Края обложки истрепались, некоторые страницы отрываются от пружины. Я сажусь на кровать, скрестив ноги, и приставляю кончик ручки к чистому листу.

Удивительно, но вещи, которые ты помнишь вечно, – это то, что ты хочешь забыть, а то, что отчаянно стремишься удержать в памяти, ускользает, как песок, несомый ветром.

Помню тот день во всех подробностях, словно образы выжжены в моем мозгу каленым железом. Но мне бы хотелось, чтобы они развеялись по ветру.

Стук в дверь. Вздыхаю, прячу тетрадь обратно под подушку и открываю. Вкатывается Сет с двумя стаканами ледяного латте в руках и протягивает один мне.

– По твоему голосу я понял: ты найдешь ему применение. – Он скидывает куртку, вешает ее на спинку стула и плюхается на кровать. – Ну, давай выкладывай.

– Я не знаю, почему он разговаривает со мной, приглашает пойти куда-нибудь. – Хожу взад-вперед вдоль кровати и тяну кофе через соломинку. На противоположной стене висят карандашные рисунки и плакат группы «Райз эгейнст», а на постели валяется грязная одежда. – Он со мной раньше никогда не разговаривал.

– Кто? Кайден? – спрашивает Сет, и я киваю.

Он откидывается на кровати и прокручивает список музыкальных композиций на экране моего айпода.

– Может быть, ты ему нравишься.

– Нет, это все не то. – Я останавливаюсь посреди комнаты и трясу головой, лед глухо клацает в стакане. – У него есть подружка – суперразвязная девица, которую он может лапать.

– А может, он и тебя бы полапал, если бы ты позволила, – говорит Сет, и у меня перехватывает дыхание. – Ладно-ладно, до этого мы еще не дошли.

Поставив кофе на стол, я присаживаюсь на кровать и подсовываю ладони под бедра:

– Не уверена, что когда-нибудь окажусь на ее месте. Думаю, мне придется признать, что я не смогу ни с кем дойти до такого. Может статься, я кончу тем, что превращусь в одну из тех пожилых леди, которые держат тысячу кошек и едят кошачий корм прямо из банки.

– Прежде всего, запомни: я не позволю тебе превратиться в такую леди. И второе: мы должны добавить это в список. – Сет садится прямо и тянется за ручкой на прикроватной тумбочке.

– Одного внесения в список недостаточно, чтобы исключить данную возможность.

Сет встает и направляется к доске, которая висит на двери, – к нашему спуску.

– Калли, достаточно. – Он усмехается, движением большого пальца снимает колпачок с ручки. – Потому что это волшебный список, полный скрытых возможностей.

– Хотелось бы мне, чтобы это оказалось правдой. – Я смотрю в окно на людей, столпившихся во дворе колледжа. – Действительно хотелось бы.

Ручка поскрипывает, пока Сет что-то пишет. Когда я поворачиваюсь к нему, внизу списка добавлено: «№ 52. Ради бога, используй свой шанс». Сет надевает колпачок на ручку, вскидывает голову и гордо улыбается: какой я умный!

– Иногда сам себе удивляюсь. Надо будет добавить этот пункт к своему списку, когда вернусь к себе. – Он небрежно бросает ручку на комод и снова садится на кровать. – Так какой же у тебя шанс, Калли? Я ведь знаю, ты достаточно сильная, чтобы хоть раз решиться.

– Но что, если я попытаюсь, а все развалится? Что, если я снова доверюсь кому-нибудь, а он украдет у меня что-то. У меня и так не много осталось до полной опустошенности.

– Возьмись за что-нибудь простенькое, – пропевает Сет. – Давай, Калли, сделай это.

– Ты пытаешься по-дружески надавить на меня?

– Ага, а что, работает?

– Да не очень-то, я ведь не знаю, чего ты от меня добиваешься.

– У меня есть идея. – Сет потирает руки с дьявольским огоньком в глазах. – Ты должна позвонить Кайдену и поймать его на слове.

– Нет, Сет. – Я подтягиваю колени к груди и кладу на них подбородок. – Я не могу быть рядом с такими людьми, как он. Я нервничаю, и они мне слишком напоминают о школе. Кроме того, очень скоро он вспомнит, как сильно ненавидит меня его девушка, и отступится.

– Он с виду милый. – Сет достает из кармана мобильник и смотрит на экран. – У меня даже есть его номер.

– Откуда? – хмурюсь я.

– А я нахальный. – Сет проводит пальцем по экрану, чтобы телефон включился. Я бросаюсь к своему мучителю, но он уворачивается и отскакивает к двери. – Вот и номер.

– Сет, пожалуйста, не надо. – Я стою, уперев руки в бедра, впиваясь пальцами в кожу, нагибаюсь вперед и выпускаю из легких воздух. – Я не могу. Я не умею общаться с парнями.

– Калли, ты должна запомнить, что он – это не все парни… – Сет прикладывает телефон к уху с суровым выражением лица. – Алло, это Кайден? – Делает паузу. – Да, это Сет. Подожди минутку. С тобой хочет поговорить Калли. – Прикрыв трубку рукой, он протягивает ее мне: – Используй. Свой. Шанс.

Убираю руки с бедер; на коже отпечатались красные полумесяцы от ногтей. Беру у Сета телефон, пока подношу трубку к уху, пульс бешено бьется – в пальцах, в запястьях, в шее.

– Алло, – произношу едва слышно.

– Привет, – отвечает Кайден: он растерян, но заинтригован. – Тебе что-нибудь нужно?

– Я просто подумала, что, может быть… Я все-таки могла бы принять твое предложение сходить куда-нибудь, – объясняю я, а Сет с энтузиазмом машет руками, подбадривая меня. – Мы не должны ничего делать прямо сейчас, но, может быть, позже.

– Я как раз собирался пойти посмотреть город, – говорит Кайден, а я кусаю ногти. – Хочешь со мной?

– Да, это звучит заманчиво, – киваю я, хотя он меня не видит. – Встретимся на улице или как?

– Ты знаешь, как выглядит машина Люка?

– Такая ржавая, на которой он ездил в школу?

– Да, та самая. Давай встретимся рядом с ней минут через десять? Она припаркована около бокового въезда во двор.

– Хорошо, договорились. – Я отключаю мобильник и сердито смотрю на Сета.

Он хлопает в ладоши и приплясывает:

– Видишь, использовать свой шанс не так уж трудно. На самом деле все может обернуться просто прекрасно.

– А если я запаникую? – Я отдаю Сету телефон и вытаскиваю из комода толстовку с капюшоном. – Вдруг выкину что-нибудь странное? Я еще никогда не была с парнем наедине.

– Ты справишься. – Сет кладет руку мне на плечо и заглядывает в глаза. – Просто будь той Калли, которую я знаю.

– Ладно, постараюсь не обделаться. – Я застегиваю молнию куртки.

– И если тебе что-нибудь понадобится, звони. – Сет смеется, обхватывает меня руками и прижимает к себе. – Я всегда к твоим услугам.

* * *

На стоянке Кайдена нет. Жду его у машины Люка, наблюдаю, как студенты бегут на лекции, и уже почти готова смыться. Ступаю на тротуар, чтобы отправиться обратно в свою комнату, и тут из боковой двери учебного корпуса появляется Кайден. Он разговаривает с какой-то девушкой, у нее волнистые черные волосы до пояса.

Кайден одет в низко сидящие на бедрах джинсы и темно-серую рубашку без воротника и с длинным рукавом. Его движения завораживают меня. Бедра

сильно раскачиваются, а плечи слегка ссутулены, и такое ощущение, что область живота сильно напряжена, как будто ходьба причиняет ему боль.

Я отступаю к машине и складываю на груди руки. Вот он замечает меня. Уголки губ приподнимаются, он машет девушке рукой на прощание. Кажется, она со мной в одной группе на философии.

– Прости, я задержался. – Он показывает большим пальцем себе за спину, на уходящую девушку. – Келли нужно было помочь с заданием по английскому. Давно ждешь?

– Не очень. – Я опускаю руки, потом снова складываю их на груди, не в состоянии придумать, что с ними делать.

Кайден спускается с тротуара и тянет ко мне руку, я пытаюсь отстраниться. Но он берется за ручку двери, я успокаиваюсь и делаю шаг в сторону, чтобы можно было открыть машину.

– Ты в порядке?

Кайден открывает дверь, петли скрипят, с краев осыпаются кусочки ржавчины.

Кивая, я ставлю ногу на ступеньку и запрыгиваю внутрь. Виниловая обшивка сиденья истерлась и растрескалась, колет мне ноги сквозь джинсы, царапает кожу. Кайден захлопывает дверь, а я обхватываю руками колени. Впервые я оказалась наедине с парнем в машине, не считая Сета, конечно. Сердце проверяет на прочность грудную клетку: вынесет ли она его яростное биение?

– Калли, ты уверена, что с тобой все в порядке? – спрашивает Кайден, положив руки на руль. – Ты какая-то бледная.

– Все в порядке. – Я заставляю себя посмотреть на него и силюсь не моргать слишком часто. – Просто немного устала. Учеба изматывает.

– Полностью согласен. – Кайден сочувственно улыбается, отчего в уголках его глаз появляются мелкие морщинки, и заводит мотор. Двигатель пыхтит и глохнет. – Извини, тачка Люка – кусок дерьма.

– А что случилось с твоей машиной? – Я укладываю потные ладони на коленях. – С той, на которой ты ездил в школу? Оставил ее дома?

Мышцы на шее у Кайдена напрягаются, как будто он сглатывает ком в горле.

– У моего отца есть правило: раз мы уезжаем из дома, значит должны жить своей жизнью. Машину купил он, следовательно, она его.

– У меня тоже нет машины, – произношу я и закидываю руку за плечо, чтобы взять пристежной ремень. – Родители предлагали мне старую тачку брата, но я отказалась.

– Почему? – Кайден включает передачу, и мы трогаемся с места. – Кажется, имея колеса, жить легче.

Засовываю пряжку ремня в защелку, а сама смотрю на покрытые листвой деревья, которые мелькают за окном, пока мы выезжаем на улицу. Кампус остается позади.

– Думаю, это слишком большая ответственность. Кроме того, я не планировала особенно часто уезжать из кампуса.

Кайден включает дворники, чтобы смыть слой грязи с ветрового стекла.

– У меня есть вопрос. – Он явно в возбуждении. – Но ты можешь не отвечать. Как тебе удалось ни с кем не гулять в старших классах? Я начал думать об этом и просто не помню, чтобы ты делала что-то такое.

– Это потому, что я ничего такого и не делала. – Я чешу шею сзади, пока она не начинает гореть.

Кайден смотрит на меня, ждет продолжения, его глаза прикованы ко мне. На дорогу он не смотрит, но я ничего не могу ему сказать. Это моя тайна, и я унесу ее с собой в могилу вместе со стыдом.

– Я слышал, тут есть одно восхитительное место, где можно подняться на холм и увидеть сверху весь город. И вот я подумал, не поехать ли нам туда. Совершим

небольшой поход.

– Поход? То есть мы покорим гору?

– Ага, типа того, заберемся на холм и все такое прочее. – Кайден смеется, а я чувствую себя дурой.

Морщу нос, глядя на свои коричневые ботинки с отворотами. Они мне маловаты, даже от прогулок по кампусу ноги устают.

– Ладно, думаю, мы можем отправиться в поход.

Кайден открывает рот, но тут у него в кармане звонит мобильник. Мой спутник читает имя на светящемся экране и сдвигает брови.

– Посиди тихо минутку, – просит он виноватым голосом.

– Конечно, – киваю я, косясь на телефон.

– Привет, детка, что случилось? – отвечает он, и я слышу доносящийся из трубки голос Дейзи. – Не говори им об этом, может быть, тогда они не станут сходить с ума. – Кайден замолкает. – Да, знаю. Я тоже по тебе скучаю. Не могу дождаться, когда окажусь дома… Нет, костюм еще не купил.

Робкий намек на ревность обжигает мне сердце. Когда я была младше, то мечтала пойти на студенческий бал в красивом платье с блестками, даже хотела надеть диадему. А теперь мне это кажется глупым.

– Я тоже тебя люблю, – бесстрастным тоном произносит Кайден и тут же захлопывает крышку телефона.

Ревность отступает, и я испускаю вздох. Оказывается, все это время я не дышала.

– Это была Дейзи… – Кайден небрежным жестом бросает мобильник на сиденье между нами. – Ты ведь знаешь Дейзи Макмиллан?

– Да, немного.

– Судя по твоему тону, она тебе не нравится.

– С чего ты так решил?

– Потому что она многим не нравится. – Он держится за руль и смотрит на меня испытующим взглядом.

– Если это так, почему ты с ней встречаешься? – спрашиваю я, удивляясь, откуда взялась эта прямота.

– Она хорошая подружка. – Кайден пожимает плечами, скулы его напрягаются. – С ней я чувствую себя счастливым, по большей части.

– О, извини. Я лезу не в свое дело.

Хватаюсь за пристежной ремень. Кайден сворачивает на грязную дорогу с огромными выбоинами и очень крутыми откосами по краям. Она изгибами ведет к холмам, поросшим травой и деревьями.

– Ты не лезла не в свое дело. – Он двигает челюстями и крепче сжимает пальцами руль. – Я первым начал задавать личные вопросы.

Остальную часть пути мы молчим, и я чувствую, что Кайден чем-то расстроен. Колесики у него в голове крутятся, он пытается разобраться в какой-то сложной проблеме.

Подъехав к холму, он выкручивает руль вправо и сворачивает на развилку. Колеса попадают в глубокую канаву, Кайден едва успевает притормозить. Машина вздрагивает и клюет носом, водитель жмет на газ и подает задом; нас мотает из стороны в сторону. Когда мы снова оказываемся на ровной дороге, Кайден направляет бампер в сторону деревьев и потихоньку приближается к ним, пока они не оказываются совсем близко. Тут он переводит передачу на нейтралку и выключает мотор.

Перед нами – крутой склон холма. Сбоку, где он каменистый, – скалы изрисованы. Тут и даты, и стихи, и признания в любви. Рядом с нами на дороге припаркованы и другие машины. Люди карабкаются вверх и суетятся на вершине холма. Я рада, что мы не одни, но народу слишком много, и это мне не нравится. Могут возникнуть проблемы.

– Это недалеко, уверяю тебя. По крайней мере, мне так сказали. – Кайден нажимает на ручку и локтем открывает дверь. – Если станет слишком тяжело, просто скажи, и мы сразу повернем обратно.

– Ладно, скажу.

Толкаю дверь и свешиваю наружу ноги, стараясь вылезти из машины, не попав в лужу. Мы встречаемся с Кайденом перед машиной. Я засовываю руки в карманы, отделанные мягкой тканью, и от этого мне становится уютно – напоминает о медвежонке Тедди.

Мы топаем по грязной тропинке, минуем сидящую на большом валуне парочку – оба в туристских ботинках и с рюкзаками за спинами. Они машут нам, Кайден машет в ответ, а я рассматриваю измазанные краской скалы.

– Что это? – удивляюсь я и читаю одну из надписей.

«Лови день, не отпускай его и преврати во что угодно».

Кайден, чтобы не попасть в яму, отскакивает и случайно задевает меня плечом.

– Думаю, это такая традиция у старшекурсников: они приезжают сюда и оставляют мудрые надписи в назидание всем будущим старшекурсникам.

– «Давай рок и благоденствуй». Это что-то уж слишком глубоко, – замечаю я, смотрю на Кайдена и кривлю губы.

– Я же не сказал, что тут только умные мысли, просто мне так это все описали. – Он смеется, вокруг рта появляются характерные складки.

– Идея вроде бы неплохая – отметить окончание на свой вкус. – Я скачу вверх по холму, чтобы увеличить расстояние между нами.

– Правда-правда. – Кайден запрыгивает на большой камень, длинные ноги пружинят при приземлении, после чего он спрыгивает с другой стороны – запыхался, улыбается и горд собой.

– Это вроде праздничного костра в Афтоне, когда мы записывали наши мысли, а потом сжигали листки.

– Никогда туда не ходила, – признаюсь я и сжимаю кулаки.

Если бы ходила, меня не преследовали бы те, кто шептался, будто я сатанистка и никогда ничего не ем. Потому что мои кое-как обкромсанные волосы, толстые стрелки вокруг глаз и антисоциальное поведение нельзя объяснить ничем иным, кроме как происками дьявола.

– О-о. – Кайден некоторое время изучающим взглядом смотрит на меня, а я делаю вид, что не замечаю. – Калли, я бы хотел поближе с тобой познакомиться. Ты спасла меня, а я о тебе почти ничего не знаю.

– Да и знать-то особо нечего. – Я срываю листочек с куста и общипываю восковые края. – Правда. Я довольно скучная личность.

– Сомневаюсь. – Кайден носком ботинка сбрасывает вниз со скалы камешек. – Давай я расскажу тебе что-нибудь о себе, а потом ты мне.

– А что ты хочешь услышать?

– Что угодно.

Кайден останавливается. Тропинка здесь заканчивается и превращается в площадку, обрамленную валунами, в центре которой возвышается гигантская скала, вся в уступах, похожих на ступеньки. Подъем крутой, но залезть, кажется, можно.

– Как мы туда поднимемся? – Я бросаю лист на дорожку и закидываю голову, чтобы увидеть вершину.

Кайден, потерев ладони, берется за один из уступов и ставит ногу на нижний.

– Вскарабкаемся. – Он сгибает опорную ногу в колене и слегка подпрыгивает, а потом начинает быстро взбираться по каменной стене. Добравшись до середины, оглядывается через плечо. – Ты идешь?

Смотрю назад, на дорожку, которая, извиваясь, ведет вниз, с холма, а потом на скалу. Используй свой шанс, ради бога. Хоть я и боюсь высоты, однако берусь за острый край уступа, встаю на цыпочки и начинаю подъем. Установив ноги на разных ступеньках, я перебираюсь на следующий уровень, и чем выше поднимаюсь, тем легче становится на душе. Смотрю вниз и замираю от ужаса – вдруг упаду и разобьюсь об острые камни. В волосах путается ветер, прядки выбиваются из-под резинки.

– Ты сама поднимешься?

Кайден стоит на вершине, уперев руки в боки, будто владыка мира. Неплохая работенка, если только такая существовала бы. Я бы носила корону, и все бы меня слушались. Вот прикажу им оставить меня в покое, и оставят. Втягиваю воздух через нос и переставляю руку на следующий выступ.

– Да…

Пальцы срываются, я зажмуриваюсь и сжимаю плечи. Упасть я не упаду, но чувствую себя беспомощной и не могу пошевелиться.

– Черт, Калли! – восклицает Кайден. – Давай мне руку.

Пальцы цепляются за другой выступ, я стараюсь ухватиться покрепче и почти перестаю дышать. Голова кружится, колени дрожат и вот-вот подкосятся.

– Калли, открой глаза, – говорит Кайден мягко, но так, что ослушаться нельзя.

Я разлепляю ресницы. Он спустился, его ноги как раз над моей головой, и ко мне тянется длинная рука.

– Дай мне руку, я помогу тебе забраться наверх.

Смотрю на его ладонь, как на дьявола, потому что именно такими могут оказаться руки незнакомца; они способны овладеть вами, пригвоздить к чему-нибудь, трогать без вашего позволения. Закусив губу, качаю головой:

– Сама справлюсь. Просто немного замешкалась.

– Ты боишься высоты? – Кайден вздыхает, и его рука расслабляется.

– Немного. – Я прилепляюсь всем телом к шершавой скале.

– Дай мне руку, – повторяет он, голос тихий, но в глазах настойчивость. – Я помогу тебе забраться.

Ветер усиливается, по щекам больно бьют песчинки. От возбуждения мне жарко. Закрываю глаза и вкладываю ладонь в руку Кайдена. Наши пальцы сплетаются – это как удар электрошокера, и я поднимаю взгляд на своего нежданного спасителя.

Сжав пальцы, Кайден тянет меня вверх, мышцы руки напряжены, и вот я на следующей ступеньке. Устанавливаю на ней ноги, Кайден дает мне минуту передышки, а потом снова тащит, на новый выступ скалы. Добравшись до верха, он выпускает мою руку, но только чтобы залезть на вершину самому. Потом он свешивает через край руку, я хватаюсь за нее и снова полагаюсь на Кайдена – он поднимает меня. Покачиваюсь, ноги разъезжаются, но я стараюсь сохранить равновесие.

Кайден поддерживает меня – он прикасается рукой к моей спине чуть выше талии. Я замираю, в душе – целая буря. Мне нравится его прикосновение, мягкость пальцев, исходящее от него тепло. Но потом в памяти вспыхивает воспоминание о той руке, которая толкала меня в спину, пока я не рухнула на кровать. Выворачиваюсь из его объятия, вытаращив глаза, по лицу бьют пряди волос.

– Не трогай меня, пожалуйста.

– Хорошо, хорошо. – Он выставляет руки ладонями вперед и с опаской смотрит на меня. – Я просто помогал тебе поймать равновесие.

– Прости, это… не имеет к тебе лично никакого отношения, клянусь. – Я поднимаю руки, чтобы заново перетянуть резинкой волосы. – Просто у меня кое-какие проблемы.

– Не хочу быть назойливым, но ты, кажется, немного дерганая. – Кайден опускает руки и долго всматривается в меня. – Могу я… Ты не против, если я спрошу почему?

– Лучше не стоит. – Я направляю взгляд поверх его плеча.

– Ладно, – просто отвечает Кайден и окидывает взглядом окрестные холмы.

Подхожу к нему, но не слишком близко. Холмы тянутся на многие километры – зеленые, цветущие, усыпанные деревьями и туристами. Голубое небо бесконечно, и солнце светит сквозь тонкую пелену перистых облаков. Ветер задувает снизу и с боков, и кажется, что я лечу.

– Это напоминает мне картину, которая висела на стене у мистера Гарибальди. – Кайден задумчиво почесывает небритый подбородок.

– Это которой он так гордился? И постоянно говорил о ней? – Я упираюсь руками в бедра, но слегка расставляю в стороны локти, представляя себя птицей, свободно парящей в небе.

Кайден смеется и опускает голову, волосы падают на лоб.

– Он что, рассказывал эту историю каждому классу?

– Думаю, у него была такая традиция. – Я скручиваю во рту язык, сдерживая улыбку. – Способ похвастаться, мол, были в его жизни времена, когда-то он не только в школе работал.

– Сколько ты хочешь здесь пробыть? – Кайден поднимает голову и медленно выдыхает.

– Можем вернуться, если хочешь, – пожимаю я плечами и оборачиваюсь к обрыву.

– Я не хочу возвращаться. А ты?

– Я бы осталась тут еще ненадолго, если ты не против. – Я снова смотрю на холмы.

– Совершенно не против.

Он садится на землю, вытягивает ноги и кладет их одна на другую. А потом хлопает рукой по камню рядом с собой.

Я долго не решаюсь воспользоваться его приглашением, но наконец присаживаюсь рядом и тоже скрещиваю ноги. Мышцы напрягаются оттого, что наши ноги так близко, но я не отодвигаюсь.

– Знаешь, я терпеть не могу футбол, – признается Кайден, сгибает одну ногу и обхватывает руками колено.

– Правда? – испуганно спрашиваю я. – Как же так?

– Иногда мне достается. – Он трогает пальцами пересекающий половину скулы шрам.

– Я тоже не люблю футбол. – Я слегка откидываюсь назад и опираюсь на ладони. – Смысл в нем только один – доминировать.

– Я бы таких обобщений не делал, но твою мысль понял. – Кайден смеется и качает головой. – Я защитник, поэтому только и делаю, что вбрасываю мяч.

– На какой позиции ты играешь и что делает защитник, я знаю. Мой отец – тренер, поэтому каждый день за ужином я выслушивала отчет о том, как прошла игра или тренировка.

– Твой отец – отличный мужик, – говорит Кайден, искоса поглядывая на меня. – Мне он нравится.

Знаю, что не надо спрашивать, но не могу удержаться. Меня он волновал много месяцев, с того момента, как я оставила Кайдена после избиения. Я почти уверена, отец бил его не в первый раз. Такая ярость не приходит вдруг, ни с того ни с сего, чтобы потом развеяться без следа.

– Кайден, что случилось в тот вечер? Когда я была у вас в доме… и твой отец, ну, избил тебя. Такое раньше случалось?

– Думаю, теперь твоя очередь рассказать мне что-нибудь, – уклоняется он от ответа, сжимая кулаки.

Костяшки пальцев белеют настолько, что шрамы становятся не видны.

– Мне особо нечего о себе рассказывать, – пожимаю я плечами, не глядя на собеседника. – Ничего выдающегося.

– Ну давай же. – Кайден поднимает руку, сложив большой и указательный пальцы в щепотку. – Какую-нибудь одну деталь. Большего мне не надо.

Сдвинув брови, я копаюсь в памяти в поисках каких-нибудь интригующих подробностей, только не очень личных. Плечи поднимаются вверх, потом опускаются.

– Иногда я с удовольствием занимаюсь кикбоксингом.

– Кикбоксингом? – удивленно переспрашивает Кайден, у него на лбу появляются морщины. – Правда?

– Это помогает расслабиться. – Я выковыриваю грязь из-под ногтей.

– Ты с виду хрупкая. – Парень обводит меня взглядом с головы до ног, у меня краснеют щеки. – Какой из тебя кикбоксер? Не могу представить, что такими маленькими ножками можно сильно ударить.

Будь я посмелее, вызвала бы его на бой прямо здесь, просто чтобы доказать, как он ошибается.

Задираю подбородок к небу и прикрываю глаза ладонью, чтобы защититься от палящего солнца.

– Для меня это не спорт высоких достижений, я просто развлекаюсь. Это хороший способ… Я не знаю… – Даю отступного, потому что остальное – слишком личное.

– Чтобы выпустить внутреннюю агрессию, – говорит Кайден больше самому себе, чем мне.

– Да, что-то вроде этого, – киваю я.

– Знаешь что? – Кайден смотрит на меня и улыбается во весь рот. – В следующий раз, когда пойдешь, позвони мне. Мой тренер, который в сравнении с твоим отцом полный отстой, достает меня, что я в плохой форме. Тогда ты мне покажешь, какие разрушения способно произвести это маленькое тело. Я даже не буду сопротивляться и дам тебе шанс отпинать меня.

– Хорошо. – Я закусываю губу, чтобы не рассмеяться. – Но я там бываю нечасто.

– Только когда хочешь надрать кому-нибудь задницу? – подтрунивает он, изогнув бровь.

– Да, типа того. – Мои губы кривятся в легкой усмешке.

– Ладно. – Кайден разворачивается ко мне лицом и опять скрещивает ноги. – У меня есть еще вопрос. Только что вспомнил. Кажется, это было в пятом классе, ваша семья была у нас, на одной из этих глупых вечеринок с барбекю, которые отец каждый раз устраивал по случаю Суперкубка. Из отцовского шкафа пропал памятный мяч с подписями игроков, и все думали, его взял мой брат Тайлер, потому что он вел себя странно, но все было напрасно. А я могу поклясться, что видел, как ты шла к вашей машине и несла этот мяч под рубашкой.

– Брат заставил меня сделать это. – Я подгибаю ноги под попу и закрываю лицо руками. – Он сказал, что, если я украду для него мяч, он не расскажет маме, что это я разбила маленького единорога из ее коллекции. – Я замолкаю, и становится очень тихо. Наконец набираюсь храбрости и бросаю взгляд сквозь щелку между пальцами. – Мне очень стыдно.

Кайден долго, пристально смотрит на меня, а потом начинает улыбаться:

– Калли, я просто хотел поддержать разговор. Мне на самом деле все равно, сделала ты это или нет. Просто забавно.

– Нет, это не забавно. Это ужасно. Наверняка у твоего брата были проблемы.

– Нет, ему тогда уже исполнилось восемнадцать. – Кайден убирает руки от моего лица. – Когда отец попытался вставить ему клизму, он просто уехал.

– Я чувствую себя клизмой. Думаю, мяч так и лежит у брата в комнате. Я могу заставить его вернуть.

– Это ни к чему. – Кайден все еще держит мою руку и кладет ее мне на колено. Я ощущаю его пальцы на своем запястье, прямо над стучащим молоточком пульса, и меня раздирают противоречивые побуждения: вырвать руку или нет. – Моему папаше и без того хватает барахла.

– Ты уверен? – Я не могу отвести глаз от его руки на моем запястье. – Клянусь, я могу его вернуть.

Кайден тихо смеется и гладит пальцами внутреннюю сторону моего запястья. По всему телу пробегает дрожь.

– Ему от этого никакого вреда. Уверяю.

– Мне очень стыдно, прости, – повторяю я.

Кайден как-то странно смотрит на меня, будто не решается на что-то. Он облизывает губы, потом сжимает их, задерживая дыхание.

Я часто задумывалась, как будет выглядеть парень, который захочет меня поцеловать. Произойдет ли это так же, как с тем моим первым и единственным поцелуем – с торжеством победителя в зрачках? Или это будет происходить совершенно по-другому? Менее пугающе? С большей страстью и желанием?

Отвернувшись к скале, Кайден отпускает мое запястье, и у него начинает дрожать рука. Он сгибает ее, распрямляет пальцы и вздыхает.

– Что у тебя с рукой? – спрашиваю я, сдерживая дрожь в голосе. – Ты поранился, пока залезал наверх?

– Это ничего. – Кайден сжимает кулак и опускает его на колено. – Я сломал несколько костей не так давно, и теперь иногда такое случается.

– Это мешает тебе играть?

– Иногда, но я справляюсь.

На костяшках пальцев шрамы. Я смотрю на них и вспоминаю тот вечер, когда они были все в крови.

– Можно задать тебе вопрос?

– Конечно. – Кайден вытягивает ноги и отклоняется назад, опираясь на ладони.

– Откуда у тебя эти шрамы на руке?

Прикасаюсь к ним. Так хочется почувствовать его, что на время я забываю о своих опасениях, но жизнь берет свое, и я быстро убираю пальцы.

Переместив вес на одну руку, Кайден поднимает вторую и выставляет перед собой. У основания каждого пальца – толстый белесый шрам.

– Я ударил кулаком в стену.

– Что?

– Так, без причины, – добавляет он и проводит пальцем по каждой костяшке и впадинке между ними. – Иногда происходят аварии.

Вспоминаю, как отец бил его кулаком по лицу.

– Да, бывает, но иногда неприятности происходят, когда дурные люди распускают руки.

– Пойдем лучше назад. – Кайден кивает, потом встает на ноги и отряхивает грязь с джинсов. – Мне надо писать работу по литературе.

Он подает мне руку, чтобы помочь подняться, но я не могу заставить себя взяться за нее. Вместо этого встаю на колени, отталкиваюсь от земли и поднимаюсь.

– Теперь мне осталось только спуститься, – говорю я со вздохом, подойдя к краю и глянув вниз.

– Не бойся. – Кайден идет сзади и тихонько посмеивается. – Я тебе помогу, если ты позволишь.

Глаза у меня расширяются от его слов и от перспективы спуска. Ну и дилемма. Но один раз я уже доверилась ему, почему бы не попробовать снова? Молю Господа, чтобы этот парень не столкнул меня вниз и не разбил на куски, я и так уже разваливаюсь. Не знаю, сколько еще ударов я способна вынести.

Кайден

Помогая Калли спускаться, я нервничаю. Нет, не думаю, что она может упасть. Я поддерживаю рукой ее спину и ощущаю ее вес. Она в безопасности. Это меня радует.

Проблема во мне. Всю дорогу, пока мы спускаемся, сердце так и стучит в груди. Мне хочется запустить руку ей под рубашку и потрогать кожу, захватить ртом ее губы, даже погладить попу. Никогда я еще никого так не хотел, и меня это

жутко пугает. Когда мы сидели на вершине, я на секунду представил, как целую ее, но это было бы неправильно с моей стороны. Не только потому, что мне не следует целовать такую милую девушку, как Калли, но еще и потому, что у меня есть подружка и это было бы нечестно по отношению ко всем.

Наш разговор на вершине длился совсем недолго, но был глубже всех, какие я веду обычно. С Дейзи мы, как правило, болтаем о пустяках вроде того, когда я приеду домой, что она собирается надеть да где будет следующая вечеринка. Такая жизнь по мне. Все просто. Мне хватает сложностей, запертых в глубине души, чтобы покрыть весь мир мраком.

– Ты уверен, что мы не упадем? – Калли крепко хватается за мою руку, зарываясь пальцами в рукав рубашки, а сама смотрит вниз и часто моргает. – Я чувствую, ты меня сейчас уронишь.

– Я тебя не уроню. Обещаю. – Я покрепче обхватываю ее спину и прижимаю к себе. – Не волнуйся. Мы почти внизу.

Спускаю ногу на следующий уступ и держу руку чуть ниже талии Калли, а самого так и тянет крепко ухватиться за ее попку. Калли подает мне руку, опирается на мое плечо и переставляет ноги на нижний выступ. Вот она твердо встала на камень, тут же расслабляется и соскакивает вниз.

Я отпускаю ее, как только она оказывается на земле.

– Видишь, я же говорил, что не уроню тебя.

Немного рисуясь, я перескакиваю с камня на камень, игнорируя боль в икроножных мышцах, и приземляюсь перед Калли:

– Напомни мне, чтобы я больше никогда не затаскивал тебя на высоту.

– Прости. – Калли делает виноватое лицо и смахивает травинки с рубашки. – Я должна была предупредить. Хотя разве это настоящее скалолазание? Мы были больше похожи на ящериц или что-то в этом роде.

Не могу удержаться от смеха. Давно мне не было так весело, и как же это здорово!

– Но куда же ты любишь ходить? Надо ведь строить планы на будущее.

Калли выглядит растерянной. Я сам чувствую себя так же.

– Никаких идей.

– Ну ладно, подумай об этом. – Я направляюсь по тропинке к тому месту, где припаркована машина. Калли идет за мной. – В следующий раз, когда я приглашу тебя прогуляться, ты скажешь, куда мы пойдем.

– А что, может быть следующий раз? – Калли морщит лоб и смотрит в сторону, на холмы.

– Разумеется, – беспечно говорю я. – Почему бы и нет?

– Не знаю. – Она смотрит на меня и пожимает плечами.

Кажется, ей известно множество причин, которые могут заставить меня убежать от нее, прежде чем она докопается до моих скелетов в шкафу. Но, как всегда говорил мой отец, я не настолько умен, к тому же у меня такое чувство, что в стороне от этой девушки мне не удержаться.

Глава 4

Пункт № 43: Не позволяй никому на тебя наезжать.

Кайден

Мне приснился чудный сон. Мы с Калли спускаемся со скалы. Вот она оказывается на земле, закусывает нижнюю губу, прижимается спиной к камню, с виду она ужасно взволнована.

Я не свожу взгляда с ее губ, упираюсь ладонями в каменную стенку, так что голова Калли оказывается как в ловушке между моими руками. Она дрожит всем телом. Я наклоняюсь и тяжело дышу ей в шею. Мне нравится ее трепет, хочется заставить ее дрожать еще сильнее.

Мои ладони скользят вниз по камню, острые выступы царапают кожу. Боль смешивается с диким желанием, адреналин наполняет кровь. Я хватаю ее за бедра, она приоткрывает рот, откидывает голову набок и стонет.

– Скажи мне, что хочешь большего, – требую я, потому что чувствую: она этого еще никому не говорила.

– Я хочу тебя, – выдыхает она.

Приподнимаю ее, накрываю губами ее губы и прижимаюсь к ней. Мне хочется только одного: сорвать с нее одежду и нырнуть членом глубоко в нее.

– Вставай, любовничек. – Теплая рука хлопает меня по щеке и разрушает сновидение, я закрываюсь от нее ладонью. – Ну, давай же, сексуальный ты наш. – Кто-то скачет на мне. – Просыпайся, тебя ждет сюрприз!

Хлопаю ресницами, а на меня глядит пара голубых глаз, и на лицо свешивается копна светлых кудряшек.

Меня оседлала Дейзи. Она в короткой джинсовой юбке и кружевном топике.

– А вот и сюрприз.

– Что ты тут делаешь? – Я приподнимаюсь на локтях, чувствуя себя опустошенным и желая только одного: вернуться в сон, чтобы посмотреть, чем он закончится.

– Ну и встречу ты приготовил любви всей жизни. – Она прищуривается. – Боже, Кайден, ты иногда бываешь таким занудой.

– Извини, я просто устал. – Я вздыхаю и натягиваю на лицо резиновую улыбку. – Занятия, тренировки, нет времени на сон.

– Ну ладно. – Дейзи крутит пальцем завиток волос. – Вставай. Ты должен сводить меня куда-нибудь, пока я не уехала домой. Я тут всего на час.

– А зачем ты здесь? – подозрительно спрашиваю я, сажусь и опираюсь на спинку кровати.

– Мама приехала за покупками. – Дейзи встряхивает волосами и поправляет топик на животе. – Это ближайшее место, где она может купить туфли не обычной марки.

– О, правда? – Я выгибаю брови, изображая интерес.

– Я решила, что поеду с ней и заодно повидаюсь с тобой. – Дейзи кивает и проходится пальцами по моей голой груди, прикрытой простыней. – Ты можешь сводить меня куда-нибудь, и тогда тебе, может быть, повезет.

– У меня занятия. А где Люк? Это же он открыл тебе дверь? Но кто пустил тебя в здание?

– У меня есть свои тропки. – Она слезает с меня и встает на ноги. – Люк впустил меня в комнату и ушел. Не понимаю, что у него за отношение ко мне. Стоит мне взглянуть на него, как он тут же убегает в противоположном направлении.

– Он просто застенчивый.

Я сажусь прямо, простыня спадает с груди. Дейзи смотрит на исчерчивающие кожу белесые полосы, как будто впервые их видит.

– Знаешь, сейчас с помощью лазеров убирают шрамы. Может, тебе этим поинтересоваться? – Она проводит ногтем по моей щеке. – Ты был бы великолепен, если бы не они.

– Ну вот, теперь ты их не видишь. – Я отодвигаюсь от нее, достаю из ящика красную футболку и надеваю.

– Я не хотела быть грубой. – Дейзи морщит нос. – Просто сказала тебе правду.

– Куда ты хочешь пойти? – Я поднимаю с пола джинсы, натягиваю их и застегиваю пуговицу, потом обуваюсь.

– Пусть это будет сюрприз. – Она в раздумье постукивает пальцами по губам. – Отведи меня в какое-нибудь милое местечко.

– Ты знаешь, у меня нет машины. – Я сгребаю с тумбочки бумажник и телефон, после чего открываю перед Дейзи дверь.

– Хм. – Дейзи округляет глаза, а я запираю дверь. – Потому я и выпросила машину у мамы. Она застряла в магазинах, так что мы должны сделать все по-быстрому. Но только чтобы мне понравилось.

Дейзи ослепляет меня улыбкой и, покачивая бедрами, идет по коридору. Юбка едва прикрывает попу, длинные ноги ступают уверенно. Несколько парней одобрительно косятся на ее задницу.

У входа она поджидает меня, чтобы я открыл ей дверь. Мы выходим на солнечный свет. Во дворе университета полно народа, студенты с книгами в руках идут кто на лекцию, кто с лекции.

Мы бредем по дорожке под деревьями. На другом конце появляются Сет и Калли. На Калли фиолетовая рубашка с длинным рукавом, волосы завязаны в хвост. Вспоминается игривый сон, и снова приходит ощущение, будто я держу ее в объятиях.

Калли очень серьезна, разговаривает с Сетом, а тот оживленно машет руками. Когда она встречается со мной взглядом, глаза ее на мгновение вспыхивают, а потом она замечает Дейзи. Калли – самая милая девушка из всех, кого я знаю, но в ее взгляде на Дейзи читается ненависть.

Я хочу помахать ей, но она протягивает мне мой пропуск.

– Меня попросили передать тебе это, – говорит Калли бесстрастным тоном.

– Спасибо. – Я беру у нее карточку и слабо улыбаюсь. – Как она у тебя оказалась?

– Люк сказал, что случайно взял. – Девушка пожимает плечами. – Остановил меня после лекции и спросил, не буду ли я проходить мимо вашего корпуса и не смогу ли передать пропуск тебе, но раз уж ты попался на пути, тем лучше.

– А ты кто такая? – Дейзи окидывает ее взглядом.

– Калли Лоуренс. – Глаза Калли холодны как лед.

– О боже мой. – Дейзи злобно усмехается. – Эта анорексичная сатанистка. Другая одежда, но все то же костлявое тело. Голодаешь?

– Дейзи, – говорю я строгим тоном. – Остынь.

Глаза Сета расширяются. Это означает, что Калли рассказывала ему про мою подружку. Но зачем? Я что-то упускаю?

– Может быть, я должна спросить, чем это ты здесь занимаешься? – Дейзи сердито глядит на меня. – Гуляешь с такими, как она?

Глаза Калли вспыхивают, она начинает обходить нас, но Сет выскакивает вперед и бросает Дейзи в лицо:

– Не знаю, чем ты так гордишься, девочка. Сними свой подбитый ватой лифчик, смой фальшивый загар, краску с волос, убери модные тряпки, и во что ты превратишься? В толстушку с плохо подправленным носом?

– Никто мне нос не подправлял. – Дейзи ахает и прикрывает ладонью нос.

– Не старайся оправдываться. – Сет нахально ухмыляется, берет под руку Калли и машет мне: – Увидимся, Кайден.

Калли не смотрит на меня. Они вдвоем быстро огибают нас и торопливо шагают к главному входу в кампус.

– Почему ты разговаривал с этой девицей? – Дейзи упирает руки в бедра и надувает губы. – Ты хоть помнишь, кто она?

– Да. – Я пожимаю плечами и иду дальше по тротуару. – Это Калли Лоуренс. Она училась со мной в одном классе и была очень тихой.

– К тому же со странностями. – Дейзи сцепляет свои пальцы с моими, и я цепенею внутри. – Она анорексичка и вечно ходила в каких-то мешковатых отрепьях. Носила какую-то дикую стрижку и никогда ни с кем не разговаривала.

– Она не анорексичка и не сатанистка. – Я качаю головой. – И она не всегда была такой, и сейчас она не такая. Она нормальная. – (И грустная. И каждый раз, как я смотрю на нее, это разрывает мне сердце.) – Кроме того, она мне однажды очень помогла.

– Когда это? – вопрошает Дейзи и смотрит на меня в упор с таким видом, будто готова выцарапать мне глаза. – Ты спишь с ней? Если так, то это отвратительно и смешно!

Какое-то мгновение меня подмывает сказать ей, что да, сплю, а потом стоять и смотреть, как она уходит и избавляет меня от своего присутствия в моей жизни. Но что я потом буду делать? Встречаться с кем-нибудь другим? С Калли? Хотя мне – и моему приятелю – эта идея нравится, Калли слишком хороша для меня. За недолгое время, проведенное с ней, я это отлично понял.

– Нет, я с ней не сплю, только иногда разговариваю.

Это отчасти правда, Калли нужна мне для этого.

Калли

В библиотеке никого нет, кроме библиотекарши, которая возит на тележке книги и расставляет на полки. Наверное, она живет одна и у нее несколько кошек. Интересно, она счастлива?

– Как скоро мы сможем поговорить о том, что произошло? – спрашивает Сет, перелистывая страницы учебника.

Я чувствую себя ужасно, как ребенок, только я больше не маленькая девочка. Я взрослая женщина, учусь в колледже, а реагирую как школьница. Ненавижу эти встречи с людьми из прошлого, они отбрасывают меня в темноту и печаль, которые, вероятно, всегда были частью меня.

– О чем тут говорить? – Я пожимаю плечами и выделяю ярко-желтым маркером строчку на странице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhessika-sorensen/odinochestvo-kalli-i-kaydena/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Раннингбэк – позиция игрока в американском футболе. – Здесь и далее прим. перев.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhessika-sorensen/odinochestvo-kalli-i-kaydena-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить